НОЯБРЬ
26
ПЯТНИЦА
1937 год.
№ 64 (700)
Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Умер народный поэт Дагестана орденоносец Сулейман Стальский

МАХАЧ-КАЛА, 23 ноября. (ТАСС). **Сегодня, в 10 час. 45 мин. утра, в ауле Ашага-Сталь, Касум-Кентского района, скончался народный поэт Дагестана, орденоносец Сулейман Стальский.**

Замечательный певец

Телеграф принес скорбную весть о смерти Сулеймана Стальского — борца за дело коммунизма, орденоносца, великого поэта Дагестанского народа, кандидата в депутаты Совета Союза, председателя Союза советских писателей Дагестана.

Большую часть своей долгой и славной жизни Сулейман Стальский посвятил песням о народном горе, о народных надеждах на грядущее освобождение и дожил до поры, когда осуществились самые радостные мечты народов. Ему — певцу этих надежд — выпало счастье стать в ряд передовых строителей социалистического общества.

Песни Сулеймана Стальского претворились в дело.

Престарелый поэт вырос в государственного деятеля. Это вытекало из всего жизненного опыта Сулеймана Стальского. Путь его от сакли бедняка в ауле Ашага-Сталь до Кремлевского дворца в столице советских народов был той прямой и славной дорогой миллионов трудящихся, по которой вошли в историю поэты и сталевары, пастухи и инженеры, ставшие народными героями. Этот путь был открыт великой партией Ленина — Сталина.

Творчество Сулеймана Стальского—одна из лучших страниц советской литературы.

Несмотря на свои 68 лет, Сулейман Стальский был еще силен, не складывал поэтического оружия, готовился к новым работам, и какими еще удивительными песнями мог порадовать нас этот великий старец!

Остались считанные дни до 12 декабря, до исторической даты, когда, облеченный доверием народа, Стальский, «Гомер XX века», должен был стать депутатом Совета Союза.

Поэт не дожил до этого дня, но в сердце нашем — он народный избранник.

Правление Союза советских писателей СССР выражает свое глубокое искреннее сочувствие дагестанскому народу, потерявшему своего великого поэта и гражданина.

Путь борца за народное счастье—Сулеймана Стальского — должен стать для всех нас, писателей СССР, образцом жизни и творчества.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Стихи поэта не умрут

Умер Сулейман Стальский, ашуг Дагестана, певец горя и радости народной, 68-летний поэт.

Славный жизненный путь прошел Сулейман из Ашага-Сталь: до революции — безвестный батрак на виноградных плантациях помещика, в годы Октября — талантливейший поэт, творчеством которого восхищались все братские народы Советского Союза. Великой чести — быть выдвинутым кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза — достиг Сулейман Стальский. Так отблагодарил народ своего поэта за песни и стихи.

Сулейман Стальский умер. Но стихи и песни поэта-ашуга не умрут, не забудутся. Народ сохранит их в своей памяти.

РЕДАКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ».

Песни и думы всего народа

Трудящиеся и писатели страны гор Дагестана глубоко скорбят о смерти Сулеймана Стальского — Гомера XX века, великого поэта советского народа, выразителя его надежд в борьбе за светлое будущее социализма. Его пламенные песни о вожде народов, великом Сталине, его «Думы о родине» — это песни и думы всего народа нашей цветущей родины.

Они будут жить в сердцах всех трудящихся.

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА.

Его песни будут жить

Писатели Узбекистана, как и весь узбекский народ, глубоко скорбят о смерти великого народного певца Дагестана Сулеймана Стальского.

Его песни будут жить в наших сердцах.

ОРГКОМИТЕТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА.

Мудрый поэт

Сулейман Стальский, вся его жизнь, все его творчество — ярчайшее доказательство величия сталинской эпохи, создающей условия для роста всех сил и способностей человека, вырастающего в неразрывной связи с народом. Дагестан, спаянный единым чувством со всеми народами Советского Союза, родил этого замечательного певца, мудрого поэта и вдохновенного импровизатора, песни которого не умрут, ибо бессмертен народ и бессмертно народное слово.

ПАВЛО ТЫЧИНА, МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ, МИКОЛА БАЖАН.

■ ■ ■

Дагестан в трауре

По телефону от нашего корреспондента

Смерть Сулеймана Стальского наступила 23 ноября в 10 час. 45 мин. утра. Трагический исход явился неожиданностью для окружающих, так как до последних дней поэт сохранял душевную бодрость. 15 ноября был последним днем творчества Сулеймана Стальского — в этот день записано его последнее произведение. К вечеру он почувствовал себя больным. Течение болезни осложнилось старыми хроническими болезнями. Но еще за день до смерти Сулейман Стальский мечтал, что скоро, после выборов в Верховный Совет, он поедет в Москву и еще раз встретится с товарищем Сталиным.

Когда горестная весть о смерти Сулеймана Стальского облетела все дворы аула Ашага-Сталь, с утра 23 ноября сотни колхозников и колхозниц собрались у дома поэта.

Вчера жители аула Ашага-Сталь прощались с останками своего великого земляка. В 11 час. утра гроб был вынесен из дома. Состоялся многолюдный траурный митинг. Глубокой печалью дышали речи выступавших на митинге колхозников и представителей общественных организаций. С непередаваемым волнением собравшиеся выслушали скорбное стихотворное послание 23-летнего Мусаиба Стальского — сына Сулеймана, записывавшего все его произведения: «Речь к друзьям, собравшимся к гробу отца».

В 11 час. 30 мин. гроб с телом Сулеймана Стальского был установлен на автомашину. Тысячи колхозников шли за гробом далеко за аул. Скорбная процессия была встречена на станции Белиджи сотнями железнодорожников и колхозников.

Весть о смерти любимого и великого народного поэта молнией облетела города и аулы Дагестана.

24 ноября, в 20 часов, траурный поезд с телом Сулеймана Стальского прибыл в Махач-Кала. На большой привокзальной площади выстроились войска, собрались трудящиеся города.

В настороженной благоговейной тишине члены правительства Дагестана выносят на руках гроб с телом Сулеймана Стальского.

Состоялся траурный митинг.

Выступивший от имени дагестанского обкома партии и правительства т. Магомедов заявил:

— Сулейман Стальский в прошлом бедный, бесправный лезгин. Только благодаря ленинско-сталинской политике его способности так пышно расцвели. Он был не только поэтом, он был пламенным борцом за коммунизм. Старый ашуг из аула Ашага-Сталь боролся своими стихами с врагами народа, клеймил подлых наемников фашизма.

Ближайший друг Сулеймана Стальского, народный поэт Дагестана, орденоносец, член Дагестанского ЦИК Цадасса Гамзат прочел стихи, посвященные памяти скончавшегося великого ашуга, проникнутые величайшей печалью и скорбью.

От имени Красной Армии надгробное слово произнес майор т. Кирзимов.

После митинга траурная процессия двинулась к центру города. Гроб с телом Сулеймана Стальского под звуки траурного марша установлен в центральном зале Дагестанского ЦИК. На гроб возложены десятки венков из живых цветов: от правительства, областного комитета партии, от общественных организаций.

С утра 25 ноября тысячи трудящихся Махач-Кала бесконечной вереницей проходят мимо гроба, прощаясь со своим любимым поэтом.

Похороны Сулеймана Стальского — в 4 часа дня 26 ноября. Останки поэта будут погребены на сквере у берега моря, вдоль линии железной дороги. Всякий проезжающий мимо столицы Дагестана сможет из вагона поезда увидеть могилу великого дагестанского ашуга.

Махач-Кала. Ю. АРДИ.

Выразитель народных дум

Сулейман Стальский принадлежал к тому разряду истинно народных поэтов, которые были взращены самим народом, но широкое признание получили только при советской власти. Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обретали певучую, пленительную в своей непосредственности и свежести форму песен-стихов. И, обогащенные талантом певца,— снова шли в народную гущу, чтобы жить не умирая. Но стихи Стальского находили заслуженное признание не только у себя, в горах. Кто из нас, читая их, даже несколько обесцененные переводом, не радовался, не восторгался изумительными по красоте и выразительности строфами? Поэтому-то весть о смерти Сулеймана Стальского так горестно хватает за сердце. Вместе с остальными советскими писателями и многочисленными читателями Стальского склоняю голову над прахом талантливейшего поэта, выразителя народных дум.

М. ШОЛОХОВ.

Станица Вешенская, 23 ноября.

Глубоко потрясен

Вместе со всеми советскими писателями скорбно потрясен безвременной кончиной великого советского певца Дагестана и всего СССР Сулеймана Стальского.

В. СТАВСКИЙ.

Грозный. (По телеграфу).

Огромная утрата

Смерть Сулеймана Стальского — огромная утрата для советской литературы. Он был одним из тех подлинно народных поэтов, которые выросли из самых недр трудовых масс и творчество которых питалось истоками живого народного слова. Творчество Сулеймана Стальского, как и творчество других народных певцов многонационального Советского Союза, получило возможность мощно развиваться только в условиях Великой социалистической революции, которая разбила оковы национального угнетения и дала народам бывшей царской России свободную и счастливую жизнь.

С огромным талантом и силой он пел о братстве свободных народов, об их счастье и расцвете, о великом вожде трудящихся Иосифе Сталине.

Сулеймана Стальского нет среди нас, но его замечательные стихи не умрут. Они навсегда останутся в сокровищнице советского искусства.

Вместе со всей страной ленинградские писатели скорбят об утрате товарища, друга, славного народного певца, Сулеймана.

А. Н. ТОЛСТОЙ, Н. С. ТИХОНОВ, Б. А. ЛАВРЕНЕВ, А. А. ПРОКОФЬЕВ, М. М. ЗОЩЕНКО, А. А. ШАБАНОВ, Ю. Н. ТЫНЯНОВ, О. Д. ФОРШ, Г. И. МИРОШНИЧЕНКО, В. М. САЯНОВ.

Дагестанский Обком ВКП(б) и Совет народных комиссаров Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики с глубокой скорбью извещают о смерти великого поэта и художника дагестанского народа, активного борца за дело коммунизма, орденоносца

Сулеймана Стальского,

последовавшей в ауле Ашага-Сталь Касум-Кентского района Дагестанской АССР 23 ноября 1937 года в 10 часов 45 минут.

ДАГЕСТАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б).
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ДАГЕСТАНСКОЙ АССР.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Хлеб» Алексея Толстого

ОТ РЕДАКЦИИ. Для того чтобы ознакомить читателей «Литературной газеты», а также избирателей Старой Руссы с новым, историческим произведением писателя Алексея Толстого «Хлеб», редакция дает сжатый пересказ содержания этой новой, находящейся в печати, повести. Сжатый пересказ повести «Хлеб», конечно, не может дать полного представления о художественной ценности этого произведения. После выхода книги в свет редакция газеты напечатает ряд статей о новом произведении Алексея Толстого, посвященном незабываемым дням обороны Царицына.

★ ★ ★

Бушуют метели над Петроградом. Революционный город не спит в эти смутные, тревожные ночи зимы 1917-1918 гг. По городу ползут распускаемые контрреволюционерами слухи, что генерал Каледин подступил уже к Москве, а войска германского генерала Гофмана не сегодня-завтра вступят в Петроград. В буржуазных кварталах ждут—не дождутся часа, когда на Невском проспекте появится немецкий шуцман с дубинкой. Он-то уж наведет порядок и с Октябрьской революцией будет быстро покончено!

Тревожные дни сменяются днями, события — событиями. Предатель Троцкий и его сподручные «левые коммунисты» атакуют великого Ленина и его верных соратников. Обсуждаются вопросы войны и мира с Германией. Миллионная солдатская армия не может и не хочет воевать. Страна охвачена разрухой. Советская власть погибнет, если ей не дать передышки. И Ленин требует заключения немедленного мира с немцами. Его поддерживает Сталин. Мир и только мир может спасти Октябрьскую революцию и даст возможность советской власти закрепиться.

Один из главных героев «Хлеба», красногвардеец, путиловский рабочий Иван Гора, в эти дни — в самой гуще событий. Иван Гора охраняет кабинет Ленина, чинит испортившийся телефон в кабинете, где Ленин и Сталин принимают решение о борьбе с предательской линией «левых» и Троцкого по вопросу мира и войны.

Ленин и Сталин прилагают все силы к тому, чтобы заключением мира с немцами спасти революцию. После нескольких заседаний ЦК большевиков Троцкий, уезжая во главе советской делегации в Брест-Литовск, дает ЦК и Ленину обещание подписать мир с немцами, не доводя дела до германского ультиматума. Но в Брест-Литовске Иуда Троцкий предательски изменяет партии и рабочему классу. По словам Алексея Толстого, «похожий на актера, загримированного под дьявола», фигляр — предатель Троцкий в Брест-Литовске от имени советской России заявляет германской делегации, что Советы из войны выходят, но мира подписывать не желают.

— «Если не предлагают мира, то всякий здравомыслящий человек понимает, что предлагают войну» — такова железная логика Сталина.

Ленин и Сталин, вопреки заверениям предателей Троцкого, Бухарина, убеждены, что немцы ответят на провокацию Троцкого немедленным ультиматумом и вторжением в советскую Россию, которое принесет стране и революции неисчислимые бедствия. Предвидение вождей Октября оправдывается. 16 октября генерал Гофман пред'являет советской России ультиматум, а через два дня германские корпуса и дивизии под неумолчный грохот орудий переходят в наступление по всему фронту от Черного до Балтийского морей. Миллионная русская армия бежит в беспорядке с фронта, «голосуя за мир ногами».

В скупых, сжатых выражениях Алексей Толстой подсчитывает, **во что обошлось советской стране и народу предательство Иуды Троцкого в Брест-Литовске.**

698 тысяч квадратных километров территории с населением в 38 миллионов человек, на 2 миллиарда рублей золотом одних только военных запасов, оружия, одежды, продовольствия захватывают немцы.

Германские армии наступают. Киев оккупирован немцами; первый германский корпус, перейдя через Днепр, взял направление на угольный Донбасс; две дивизии двинулись к Нарве и Пскову. Генерал Людендорф на совещании в Берлине произносит речь об исторической миссии Германии. Старые знакомые слова, — мы их слышим даже сегодня, спустя почти 20 лет! Историческая миссия Германии — это, конечно, движение на восток для захвата советских земель, богатых хлебом и сырьем. Обнаглевшие германские генералы требуют отдать им Украину, Крым, Донбасс, Латвию, Эстонию, Финляндию, а туркам — Баку и Батум.

Алексей Толстой пишет: **«За сорок восемь часов нужно было решить: быть России немецкой колонией или России итти независимым, никем еще не хоженым путем»**, т. е. путем социализма.

Немцами взят Псков, и они протянули руки к Петрограду, готовясь удушить революцию. Город кишит немецкими шпионами-диверсантами. Но Ленин уже об'явил социалистическое отечество в опасности, и через два часа после занятия Пскова тревожные гудки заводов поднимают на ноги Ивана Гору и тысячи рабочих Петрограда. Они спешат к Смольному, где Сталин, уверенно организуя защиту социалистической родины, раздает оружие и шлет эшелоны красногвардейских отрядов навстречу наглым немецким оккупантам. Шпионы из'яты, диверсия и захват столицы германской армией сорваны железной рукой великих стратегов Октября — Ленина и Сталина.

Но последствия предательской деятельности Иуды Троцкого далеко еще не ограничиваются этим. Борьба только начинается. Советское правительство и ленинский штаб большевиков во главе с Ильичом и Сталиным переезжает в Москву. По пути из Ленинграда на ст. Любань террорист с.-р. Савинков пытается покончить с Лениным и Сталиным диверсионно-террористическим актом, но этому мешает бдительность охраны.

Отечественная контрреволюция собирает свои силы. Белогвардейские генералы и полковники стекаются в Москву по конспиративным явкам. Из конспиративных квартир путь их лежит к штабу Троцкого, где каждого, об'явившего себя «военспецом», независимо от его убеждений, ждет горячий прием. Одним из первых в штаб Троцкого является с предложением своих услуг белогвардейский генерал Носович.

Дело сделано, назначение генерала Носовича начальником штаба Сев.-Кавказского округа Троцким подписано. И генерал Носович деловито докладывает об этом на конспиративной квартире эсеру Савинкову, полномочному представителю Добровольческой армии в Москве.

Назначение Носовича — большая удача для контрреволюционеров-белогвардейцев. Штаб, начальником которого предатель Троцкий назначил предателя Носовича, размещен в Царицыне. Савинков учитывает, что после того, как немцы окончательно захватят Украину и Донбасс, Царицын останется единственным связующим звеном между севером с его голодными пролетарскими центрами и хлебными приволжскими районами. Но это учитывается не одной только контрреволюцией. Об этом давно знает и думает Сталин. Он предвидит, что в недалеком будущем смертельный удар Москве враги попытаются нанести именно из Царицына.

...Пожар гражданской войны охватывает Украину. Германская оккупационная армия, в союзе с украинскими националистами и русскими белогвардейцами, стремится к угольным шахтам и заводам Донбасса. В мирном степном городе Луганске — митинг. Перед своими старыми товарищами, рабочими-металлистами Гартмановского завода Тарасом Бокуном, Пархоменко, Солохом, Прохватиловым, Чебрецом и др. выступает Климент Ефремович Ворошилов. Надо остановить немцев перед Харьковом, не дать интервентам захватить кочегарку страны — Донбасс. Старые товарищи Ворошилова, рабочие-металлисты, откликаясь на горячий призыв, записываются в красногвардейский отряд.

Окончание см. на 4 стр.

---

26 ноября

Близок день выборов в Верховный Совет СССР — день победы и торжества Сталинской Конституции. Небывалым в истории единением всего народа встречает этот день наша великая страна. Мы вправе назвать это единение небывалым в истории, потому что не было еще на земле государства, где сильные не угнетали бы слабых, богатые не эксплоатировали бедных, тупицы и бездарности не отравляли жизнь талантов, где народ обладал бы правом на труд, образование и отдых. Теперь такое государство есть. И только в нем возможно подлинное единение всего народа.

Рабочие, колхозники, красноармейцы, учителя, служащие, студенты дают нам образцы организованности и глубочайшего политического понимания происходящего.

Многие писатели приняли самое деятельное участие в предвыборной кампании. Они работают в избирательных комиссиях и участках, выезжают на места, дают литературные портреты кандидатов, наконец, выступают в качестве пропагандистов.

Но этим нельзя ограничиваться. Первые выборы в Верховный Совет для нас, писателей, не только кампания, в которой надо принять самое близкое участие, а также и литературная тема. Ее историческое значение громадно. Для будущего коммунистического общества день 12 декабря встанет рядом с великой датой Октябрьской революции. И тут позволительно обратиться к редакциям толстых журналов с вопросом — кого из писателей послали журналы по стране в дни выборов? Много ли произведений, посвященных выборам, появится на их страницах?

Редакция «Октября», как известно, настолько отстранилась от действительности, что даже сочла возможным совершенно игнорировать выборы, а после энергичного напоминания «Правды» вставила в готовый номер громкую, но, к сожалению, торопливую и непродуманную статью.

До сих пор не вышел юбилейный номер журнала «Красная новь».

Все это плоды равнодушия, казенного, служилого отношения к действительности. А может быть здесь не только равнодушие?

Но зато трижды прекрасно и радостно видеть литераторов, партийных и беспартийных большевиков, целиком захваченных стремительным течением наших дней. Есть не мало примеров по-новому живой работы коммунистов и беспартийных, работы, которая проникнута подлинно революционной дружбой. Люди молодеют в эти дни. Самое, казалось бы, заурядное дело получает новую окраску, иное, более высокое значение. И только теперь становится особенно ясной подлая деятельность вредителей в литературе, которые рыли яму между беспартийными писателями и партией, силились отдалить от партии людей, горячо ей преданных. Троцкистские и бухаринские опричники стремились к одной цели: если авербаховцы старались выбросить из литературы беспартийных писателей, то Бухарин иезуитски как бы «пригревал» их, опять-таки пытаясь разрушить единство литературных рядов, противопоставляя беспартийных писателей партийным. Одна цель об'единяла всю эту банду — задавить стремление каждого честного, чуткого писателя изображать действительность такой, как она есть, вырвать его из большевистских рядов, оторвать от партии, от народа.

Это не удалось и не могло удасться!

Новыми и лучшими своими произведениями беспартийные писатели в области литературы, театра, кино демонстрируют истинную преданность делу Ленина и Сталина.

В литературе, как и во всей нашей жизни, главное — это дело, работа. Решающую роль играют не разговоры, не заседания, а произведения. Решает успех этих произведений у народа их всенародное признание. Ибо —

«...личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе».

Эти слова товарища Сталина, сказанные им на Чрезвычайном VIII Всесоюзном с'езде советов год тому назад, должны являться программой жизни писательских организаций и работы каждого писателя.

Писателей судят по их произведениям, по их способностям, по труду. Не мнимые и призрачные, а подлинные, добытые трудом и талантом, заслуги определяют и будут определять положение писателя в обществе.

Наряду с лучшими людьми страны народ выдвигает кандидатуры писателей в Верховный Совет СССР. Что может быть выше этого доказательства любви народа к литературе?

Каждый день, каждый час, в любом деле, при выполнении любого задания будем укреплять единение партийных и непартийных большевиков в литературе. Это — главное. В этом наша сила. В этом источник наших новых побед.

КРЕПКОМУ БОРЦУ ЗА КОММУНИЗМ

Письмо избирателей Грозненского городского избирательного округа своему кандидату в депутаты Совета Национальностей писателю В. П. Ставскому

Дорогой Владимир Петрович!

Мы, избиратели четвертого участка Грозненского городского избирательного округа, с чувством глубокой благодарности выражаем нашу радость, вызванную вашим согласием баллотироваться в Совет Национальностей по нашему округу.

Своими художественными произведениями, своим талантом организатора и борца со всякой нечистью, мешающей строить нашу счастливую и радостную жизнь, вы зарекомендовали себя лучшим ленинцем, лучшим сталинцем, крепким борцом в борьбе за коммунизм.

В ваших художественных произведениях, продолжающих традиции нашего великого писателя Горького, вы учите нас ненависти к нашим врагам всех мастей и окрасок, вы содействуете глубокому пониманию тех социальных сдвигов, которые произошли в нашей стране.

Вам, лучшему из сынов нашей великой родины, мы единодушно отдаем свои голоса.

Голосуя за вашу кандидатуру в Совет Национальностей, мы выражаем уверенность, что своей дальнейшей деятельностью художника и организатора развития советской литературы вы будете содействовать еще большему единению и братству народов СССР.

По поручению митинга избирателей Грозненского городского избирательного округа письмо подписали:
НЕБОРАК, БАНОЯН.

МЫ ОТДАДИМ СВОИ ГОЛОСА АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

На районных предвыборных совещаниях в Старорусском избирательном округе

По телефону от наших корреспондентов

С большим под'емом прошло районное предвыборное совещание в Старой Руссе.

450 представителей заводов, колхозов, общественных организаций собралось в Доме культуры.

Биография каждого из них могла бы быть повестью о величайших переменах, происшедших в жизни трудящихся за 20 советских лет.

Семен Куприянович — лучший клеевар-стахановец на Фанерном комбинате. Рядом с ним, за столом президиума, сидят члены колхоза им. Жданова Анастасия Лукина, стахановка Парфинского фанерного завода А. Захарова и другие знатные люди района.

Совещание открывает секретарь райкома ВКП(б) т. Алексеев. Когда он произносит имя творца великой Конституции страны Советов, вождя и учителя народов товарища Сталина, буря оваций потрясает зал.

С речью о кандидате в депутаты Совета Союза, выдвинутом трудящимися Старорусского избирательного округа, выступил представитель Ленинградского союза советских писателей О. Цехновицер.

Один за другим выступают доверенные лица заводов и колхозов. Они рассказывают об агитационной работе на избирательных участках.

С огромным вниманием совещание выслушало отчет делегатов избирателей района, посетивших на-днях А. Н. Толстого.

— Я, бывший бедняк, которого раньше травили кулаки, — сказал колхозник артели «Атеист» т. Карпов, — долго беседовал со знаменитым писателем Алексеем Николаевичем Толстым. Мы рассказали ему о нашей жизни и работе, расспросили Алексея Николаевича о его литературных трудах, о поездке в республиканскую Испанию, о конгрессе борьбы против фашизма. Алексей Николаевич сообщил нам и о своей последней книге «Хлеб», книге, в которой рассказывается о Ленине, Сталине, Ворошилове. Первые отпечатанные книги товарищ Толстой обещал прислать в наш избирательный округ...

Инженер Ф. Д. Вараксин, возглавлявший делегацию, зачитывает письмо А. Н. Толстого к своим избирателям (см. «Литгазету» от 20 ноября). Это письмо встречено восторженными аплодисментами.

Совещание решило созвать на всех избирательных участках собрания избирателей и обсудить на них обращение А. Н. Толстого.

★

Предвыборное совещание в Залученском районе открыла колхозница т. Трофимова. Большой доклад о жизни и творчестве А. Н. Толстого сделал представитель Ленинградского союза писателей т. Л. Плоткин.

Выступавшие на совещании доверенные лица десяти колхозов с большим уважением и любовью говорили о своем кандидате в депутаты Совета Союза А. Н. Толстом.

— Алексею Николаевичу мы отдадим наши голоса! — заявили они.

Совещание наметило конкретные задачи агитационной работы на избирательных участках.

★

26 ноября А. Н. Толстой выезжает в районы Старорусского избирательного округа. Писатель выступит на собрании избирателей — на предприятиях и в колхозах.

М. СВЕТЛОВ

Песня о дружбе

Я искал единственного друга
В свисте пуль и в гуле батарей —
Шел со мной сквозь ветер и сквозь вьюгу
Миллион единственных друзей!

Расцветают песни и знамена
На счастливой родине моей —
Это выбирают миллионы
Лучших и единственных друзей.

Никому с тобою не сравняться!
Кто тебя могучей и сильней —
Родина освобожденных наций,
Родина единственных друзей?

Мы хорошими людьми богаты —
Много их в стране, богатырей,
Выбирает лучших в депутаты
Миллион единственных друзей!

Мы идем колонною несметной,
Нашей славы песня широка!
Наша Конституция бессмертна!
Сталинское слово — на века!

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО

За несколько дней до смерти народный поэт Дагестана орденоносец ашуг Сулейман Стальский написал стихи, посвященные выборам в Верховный Совет СССР. Сулейман Стальский в этих стихах звал трудящихся Дагестана отдать свои голоса за вождя народов—товарища Сталина. Он призывал голосовать за преданного члена коммунистической партии т. Сорокина, секретаря Дагестанского областного комитета партии.

На улицах Махач-Калы
Народ земли моей—я видел.
Я слышал крики, звонкий смех,
Счастливейших людей—я видел.
—Великий вождь большевиков,
Ты нас ведешь, громя врагов!
За Сталина!—единый зов.
Восторг моих друзей—я видел.
Заветная пришла пора:
Неравноправные вчера,
Горянка, горец—брат, сестра!
Их с пламенем речей—я видел.
За братьев Сталина родных!
За верных партии, стальных!—
Кричали все. Сквозь крики их
Любимцев наших дней—я видел.
Был этот праздник величав.
Народ, Сорокина избрав
Своим посланцем,—был ты прав:
Кто в деле горячей—я видел.
Правдив, как сталинский закон—
Ведь Сталиным воспитан он!
Их враг разбит, разоблачен.
Друзей кипучих выбирайте!
Мои товарищи, народ!
Того, кто счастье нам кует,
Кто знамя Ленина несет,
Касаясь тучи—выбирайте!
Народ, ты славными богат,
Но повторяю я стократ:
Сорокин—славный кандидат.—
И только лучших выбирайте!
Мильоны звонких голосов—
За Сталина!—единый зов.
Правдивых, искренних бойцов,
Орлов могучих выбирайте!
Вас Сулейман зовет не зря:
Двенадцатого декабря,
Единым пламенем горя,
Свой голос сталинцам отдайте!

Перевел с лезгинского
П. ПАНЧЕНКО

Всенародный праздник

С волнующим под'емом вся наша страна готовилась к Чрезвычайному VIII Всесоюзному С'езду Советов. Его созыву предшествовало всенародное обсуждение проекта Конституции СССР. Памятны дни этой беспримерной народной дискуссии. Она всколыхнула самые широкие слои населения. Это была всенародная школа государственного знания.

Проект Конституционной комиссии, разработанный под руководством товарища Сталина, был передан на предварительное обсуждение народа. В этом всенародном обсуждении проекта раскрылась сущность советской демократии, как самой последовательной демократии в мире, глубоко проникнутой уважением к народу.

Самое широкое обсуждение проекта Конституции стало важнейшим делом партии большевиков. Оглядываясь сейчас на прошлое, мы видим, каким мощным новым источником стало это обсуждение для развития советского патриотизма, новым толчком для самоотверженного социалистического стахановского труда.

Так подошла наша страна к Чрезвычайному VIII С'езду Советов СССР. Никогда не изгладится из памяти день его открытия. Дыхание всемирно-исторической новой эпохи ясно ощущалось в этот день и в большом зале Кремлевского дворца, и во всей стране, и далеко за ее пределами. Притихши сидели делегаты с'езда и публика в ожидании начала заседания, и была особая торжественность в этом молчании. О значении дня говорили и переполненные ложи дипломатического корпуса, и битком набитая ложа иностранных корреспондентов. Их настороженность наглядно опровергала деланное равнодушие буржуазной печати.

По всей стране у радиоприемников в напряженном молчании застыли миллионы слушателей.

Эта тишина взорвалась бурной, восторженной овацией, когда появились в президиуме руководители партии и правительства, во главе с товарищем Сталиным. Овация возобновилась, приняла бурный, стихийный характер, не могла и не хотела улечься.

Исторический доклад товарища Сталина стал одним из основных документов коммунизма. Его перечитываешь без устали — как «Коммунистический Манифест». То, что предвидели, предсказали, провозгласили Маркс и Энгельс как первую, еще самую общую программу пролетариата, Сталин записал в Конституцию как уже осуществленный основной закон жизни нового, социалистического общества. Маркс и Энгельс говорили: будет! Сталин говорит: есть!

Затаив дыхание, страна слушала товарища Сталина. Он говорил простыми словами, и огромная, ни с чем не сравнимая сила его слов была в том, что он выразил те чувства, мысли, настроения, которыми жила, волновалась вся страна. Он обобщил эти чувства и мысли, отлил их в такую выразительную, ясную, прозрачную форму, что сразу перед всеми предстала картина победившего социализма. Никогда и нигде эта картина не выступала с такой художественной силой, с такой потрясающей убедительностью.

Свой доклад товарищ Сталин закончил немногими словами о значении новой Конституции СССР как для страны нашей, так и для всего мира. Почти каждую фразу зал сопровождал аплодисментами. Каждой фразе суждено бессмертие. При всей простоте своей они звучали как лозунги, полные революционного энтузиазма, как огненные призывы.

Чрезвычайный VIII Всесоюзный С'езд Советов СССР 5 декабря 1936 г. постановил утвердить проект Конституции СССР. Она стала Основным законом социалистического государства. Всемирно-историческое значение этой даты С'езд отметил постановлением: о том, что день 5 декабря об'является всенародным праздником.

В 1937 г. Советская страна впервые устраивает этот всенародный праздник. Он застает трудящихся в оживленной, исполненной революционного энтузиазма работе: в подготовке выборов в Верховный Совет СССР. Они происходят на основании новой Конституции, которая в главе XI установила всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании.

Год, истекший со времени утверждения Конституции СССР, был годом ее торжества, годом дальнейшего развертывания советской демократии, годом решительной борьбы с врагами рабочего класса и крестьянства за полное торжество коммунизма. Разоблачение троцкистско-бухаринского фашистского заговора и суровая расправа с изменниками родине не приостановили ни на минуту подготовительной работы к выборам. Страна растоптала гадов, готовя такую же судьбу всем их последышам. Несмотря на вредительство со стороны троцкистско-бухаринских агентов фашизма, страна досрочно выполнила второй пятилетний план и дала неслыханный доселе урожай. В международных отношениях Советский Союз выступал как основная сила, охраняющая трудящихся всего мира от безнаказанного фашистского разбоя.

Новая Конституция, которой народ дал имя Сталинской Конституции, была моральной помощью и поддержкой для народов Испании и Китая, отбивающих разбойничий набег фашистских стран.

Двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции развернуло перед миллионами весь блестящий путь ее, — от того момента, когда Ленин призвал к вооруженному восстанию и Сталин взял в свои руки непосредственную организацию восстания — до момента, когда подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР Советская страна начала осуществление важнейших положений Сталинской Конституции. На всех этапах этого двадцатилетия советский народ видел товарища Сталина как первого соратника, верного ученика и друга Ленина, как непримиримого борца за дело Ленина против всех врагов, как руководителя партии и страны, учителя, отца, друга, организатора побед социализма в городе и в деревне.

В предвыборной кампании советская демократия развернулась как самая последовательная, самая широкая демократия в мире. Уже на подготовительной стадии, организационной,—выдвижения кандидатов,—когда по самым демократическим конституциям буржуазного мира народу предоставляется в лучшем случае роль пассивного зрителя, трудящиеся Советской страны проявили живейший интерес к подготовке выборов. Выдвижение кандидатов было делом миллионов. Оно сопровождалось величайшим общественным под'емом. Та школа советской демократии, которую уже прошли народы Советской страны, принесла свои результаты. Трудящиеся обнаружили высокую политическую сознательность. Они выдвигали и поддерживали кандидатуры действительно лучших людей страны. И, конечно, всюду, во всех углах СССР, первым кандидатом был выдвинут товарищ Сталин. Его выдвигали массы как творца Конституции, как любимого вождя, как близкого, родного народу человека, и уже в этой предварительной стадии избирательной кампании было блестяще проявлено замечательное единство советского народа и тесное его сплочение вокруг большевистской партии.

А когда кандидаты были окончательно намечены по округам и зарегистрированы в соответствии с Положением о выборах, огромный под'ем охватил страну. В Сталинском избирательном округе, в котором выставлена кандидатура товарища Сталина, и других округах, в которых выставлены кандидатуры руководителей партии и страны, — всюду предвыборная кампания проходит с громадным одушевлением, превратилась в замечательную манифестацию большевистского единства. Такой манифестации еще не видала наша страна. Подняты подлинно самые низы трудящихся, вплоть до глубоких стариков, домашних хозяек, — всех тех элементов, которые раньше оставались в стороне от активной общественной жизни. В предвыборную агитацию, в организационную работу втянуты многие сотни тысяч добровольцев. Вся страна с волнением и интересом следит за ходом предвыборной кампании, и голосования ждут с нетерпением. Подача своего голоса за лучшего человека страны, за депутата Верховного Совета, за члена правительства рассматривается не только как право советского гражданина, и не только как его обязанность, а как и великая честь, как ответственная работа, как непосредственное участие в важнейшем государственном деле. Это и есть суть советской демократии, которая вся построена на сознательном участии трудящихся в государственной жизни, которая учит управлять своим государством, а для этого нужно знакомиться с основными его законами, знать историю своей страны, знать лучших ее людей.

Предвыборная кампания в СССР — это явление замечательное, не имеющее ни примеров, ни параллелей в истории буржуазных демократий. Достаточно прислушаться, с каким волнением выступают на предвыборных собраниях кандидаты, с каким вниманием выслушивают избиратели повесть об их жизни, и какие замечательные раскрываются при этом биографии! Вся героическая история нашей страны проходит в этих биографиях людей, самых различных и по возрасту своему, и по положению в стране, и по прошлому. Рядом с молодыми стахановцами, с молодыми работницами, овладевшими сложной техникой и прославившихся творческим своим, инициативным трудом, воплощающих новый облик социалистического труда, — выступают перед избирателями старые мастера науки, искусства, литературы... И всех их, и молодых представителей нового рабочего класса, и молодых представителей нового крестьянства, и представителей новой советской интеллигенции об'единяет одно чувство революционного одушевления, горячей любви к своей родине, беззаветной преданности коммунистической партии, ее Сталинскому Центральному Комитету, горячей любви к товарищу Сталину.

И уже вырисовывается общий облик Верховного Совета СССР, высшего органа советской демократии. Он соберет лучших сынов и дочерей Советской страны. Он отразит в лицах самую демократическую конституцию в мире. Его авторитет несравним с авторитетом всех известных нам в истории представительных собраний. Безграничную доверие, которым окружает его страна, и неисчерпаемы источники его силы. По зову этого правительства, руководимого товарищем Сталиным, вся страна подымется как один человек на защиту социализма и родной земли от всякого наглого посягательства. Под руководством этого правительства Советская страна преодолеет все и всякие препятствия на пути к полному торжеству коммунизма!

О. ДАВЫДОВ

Михаил Александрович Шолохов

Рисунок А. Костомолоцкого

ЯНКА КУПАЛА

О Сталине лучшая песня моя

О Сталине лучшая песня моя.
Та песня звучит в миллионах сердец:
Поет ее в поле колхозном жнея,
Поет на лугу на зеленом косец.

Поля золотые,
Как море, шумят,
И люди в грядущее
Смело глядят.

О Сталине лучшая песня моя, —
Она над землей величаво встает:
Ту песню орлиная знает семья,
Ту песню кузнец за работой поет.

Орлами взлетают
Пилоты-бойцы.
И волю и долю
Нашли кузнецы.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от солнца, от ясной зари.
Ту песню поет вся родная земля,
Та песня спасибо вождю говорит.

Великим законом
Он мир озарил,
Он дружбу народов
Навек укрепил.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от сказок, от снов золотых,
Что сделались явью в советских краях,
Что стали делами в просторах родных.

Разбили мы цепи
Неволи былой,
И новое солнце
Горит над землей.

О Сталине лучшая песня моя, —
Та песня от счастья, от радостных дней,
Та песня на крыльях летит соловья
За межи-границы и будит людей.

И рухнут затворы
Фашистской тюрьмы,
Невольники выйдут
Под солнце из тьмы.

Перевел с белорусского
М. ИСАКОВСКИЙ

Писатели в избирательной кампании

Шестой избирательный участок Краснопресненского избирательного округа.

Красная доска у ворот дома.

Четкие стрелки по двору и светящаяся красная звезда во дворе указывают путь к Красному уголку жакта № 8 по улице Воровского, в котором расположилась 6-я участковая избирательная комиссия.

Большая, вновь отремонтированная комната кажется приветливой от ярко светящих электрических ламп, от красочных плакатов на стенах, от свежих цветов на столе.

На центральной стене, против входа — большие портреты товарищей Хрущева и Булганина — кандидатов в депутаты в Верховный Совет СССР от избирателей Красной Пресни.

В шестом избирательном участке работают советские писатели: Вс. Вишневский — председателем избирательной комиссии, В. Гусев — его заместителем.

Пятьдесят членов парторганизации ССП СССР выделены в качестве пропагандистов и агитаторов в шестом избирательном участке. Они провели большую работу в кружках, в жактах, а теперь прикреплены к отдельным домам. На каждого агитатора приходится приблизительно пятьдесят избирателей.

Интересные методы работы находит Б. Гроссман. Много времени уделяет избирательной кампании З. Чалая. Недавно приступил к работе Н. Ляшко.

★

Сегодня в шестом избирательном участке дежурит В. Гусев. Художник приносит эскизы оформления школы, где 12 декабря будет происходить голосование.

Заходит за справкой работник жакта. Идут, сменяя друг друга, избиратели.

К пяти часам число их переваливает за сто.

— Проверь-ка, дочка, есть ли в ваших списках Маленина, — обращается вошедшая гражданка к секретарю комиссии т. Вышинской.

— Маленина, Феодосия Самойловна? 1876 год рождения? — читает секретарь по списку.

— Так, так, восемьсот семьдесят шестого.

— Знаете, где будем голосовать? Напротив, в помещении школы. Она будет украшена плакатами и флагами. Сразу увидите.

— Да мы с кружководом-писателем придем. Он с нами беседы проводил, он нас и на выборы поведет.

★

Беседуем с председателем первой участковой комиссии Краснопресненского округа т. Андреевым.

— Работа у нас идет оживленно. Все члены избирательной комиссии работают добросовестно и активно. Член комиссии поэт И. Уткин провел у нас хорошее мероприятие: устроил для избирателей первого участка два вечера в Геолого-разведывательном институте, на которых Уткин и поэты М. Голодный, А. Сурков, С. Васильев и Н. Панов выступали с чтением стихов.

26 ноября в Московском университете состоится большой торжественный митинг избирателей первого избирательного участка Красной Пресни.

На митинге выступят поэты.

★

Председатель окружной избирательной комиссии Краснопресненского избирательного округа т. Волков говорит, что писатели, работающие в его округе, проявляют большую активность.

Член окружной комиссии Краснопресненского избирательного округа т. А. Барто, помимо дежурств в комиссии и многочисленных выступлений, ежедневно посещает избирательные участки, к которым она прикреплена, проверяя их работу и давая указания.

Вс. Вишневский в качестве председателя избирательной комиссии хорошо наладил работу в шестом избирательном участке, который можно считать одним из лучших в округе.

★

Работой в комиссиях не исчерпывается участие писателей в избирательной кампании.

Многие поэты — М. Исаковский, В. Лебедев-Кумач, С. Кирсанов, С. Михалков, С. Васильев, Н. Панов, А. Ойслендер опубликовали в печати стихи, посвященные выборам. Некоторые из этих стихов вошли в сборник, выпущенный Детиздатом ЦК ВЛКСМ.

ВЫСТАВКИ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ

Московский областной союз советских художников организует в избирательных участках Сталинского, Краснопресненского, Октябрьского и других избирательных округов Москвы выставки советских художников, которые будут открыты 12 декабря, в день выборов в Верховный Совет СССР.

Московск[и] художники с большим воодушевлением [от]озвались на призыв МОССХ. Для выстав[ок] в избирательных участках уже поступили сотни работ (живопись, графика, эскизы к театральным постановкам).

А. СЕРАФИМОВИЧ

Михаил Шолохов

Бескрайний степной простор изнеможенно тонет в знойном мареве. С увала на увал лениво тянется полынь, краснеют глиной овраги. По балкам вдоль степных речушек, где куры бродят, потянулись хутора. Лишь за Доном, что разлегся среди песков, под прибрежными горами — леса, озера, поросшие камышем и осокой, — рыбные места. Да станицы сверху до самого устья сели по берегам его.

Затеснили Вешенскую станицу пески, к самому Дону притулилась она.

Еще до войны и революции в 1905 году родился на хуторе Кружилином Вешенской станицы у вдовы казака сын Михаил. Муж ее Шолохов (они жили невенчанные) был, как тогда называли, «иногородний», т. е. выходец из центральной России, из Рязанской губернии. Он нес на себе тяжесть, какую несли все «иногородние».

С самого рождения маленький Миша дышал чудесным степным воздухом над бескрайним степным простором, и жаркое солнце палило его, и суховеи несли громады пыльных облаков и спекали ему губы. И Тихий Дон, по которому чернели каюки казаков-рыболовов, неизгладимо отражался в его сердце. И покосы в займище, и тяжелые степные работы, пахоты, сева, уборки пшеницы — все это клало черту за чертой на облик мальчика, потом юноши, все это лепило из него молодого трудового казака, подвижного, веселого, готового на шутку, на незлую веселую ухмылку. Лепило его и внешне: широкоплечий, крепко сбитый казачок с крепким степным бронзовым лицом, прокаленным солнцем и ветрами.

Он играл на пыльных заросших улицах с ровесниками-казачатами. Юношей он гулял с молодыми казаками и девчатами по широкой улице, и песня шла с ними, а над ними луна, и девичий смех, вскрики, говор, неумирающее молодое веселье.

Казаки — веселый, живой, добродушно-насмешливый народ. Как соберутся кучкой, так — гогот, свист, подмывающий хохот, друг друга умеют высмеять, позубоскалить.

Песни поют чудесные, задушевные, степные, от которых и больно и ласково на сердце. И они разливаются от края до края, и никогда не забудешь их.

Михаил впитывал, как молоко матери, этот казачий язык, своеобразный, яркий, цветной, образный, неожиданный в своих оборотах, который так волшебно расцвел в его произведениях, где с такой неповторимой силой изображена вся казачья жизнь до самых затаенных уголков ее.

Когда пришел срок, мальчика отвез отец в гимназию.

Мать, чудесная женщина, совершенно неграмотная, но крепкого проницательного живого ума, чтоб самостоятельно вести с сыном переписку, принялась учить грамоту, и выучилась. Мать и сын радостно писали друг другу. Видимо, мать подарила ему наследство быть крупнейшим художником, подарила драгоценный дар творчества.

Пришла Октябрьская революция. Рванула застоявшийся, слежавшийся неподатливый земледельческий уклад казачьей жизни. Вдруг глубоко пробежала расселина по казачеству: голытьба пошла с революцией, богатеи — с контрреволюцией. Как и для всех, этот вопрос, куда итти, стал перед молодым Шолоховым. Было не до гимназии. Он бросил школу, и широкая волна революционная подхватила его и понесла в гущу событий.

Молодой Шолохов — выходец из трудовой семьи, и в его груди вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся, замученных. Вот почему он еще юношей-комсомольцем бился с кулаками в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами. Вот почему в своих произведениях стал на сторону революционной бедноты. Партия и комсомол революционно выправили его мысли, революционно зажгли его сердце жаждой принять участие в великой битве эксплоататоров и эксплоатируемых. И он принял это участие сначала с винтовкой, а потом с пером в руке.

Во время гражданской войны Шолохов мыкался по донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, которые бушевали на Дону до 1922 года. Нередко банды гонялись за его отрядом.

Когда схлынула гражданская война и было покончено с разорявшими землю бандами, Шолохов начал — в 1923 году — писать. В этом же году он начал печататься в комсомольских газетах и журналах. Первую книжку рассказов он выпустил в 1925 году. В 1925 году родился писатель Михаил Шолохов.

Вешенская станица у самого Дона. Казачьи курени белеют по широким улицам. На них много пыли, мало зелени. Только милая река, уютно огибая станицу, тихо зеленеет берегами. То голубая под синим высоким небом, то ослепительно золотится солнечным мельканием, то сердито нахмурится и, серая, зашумит волнами и ветром.

Недалеко от Дона новый дом с мезонином — дом Шолохова. Наверху — кабинет, там работает писатель. Летом в нем не усидишь — жара, зимой не усидишь — холод, — шутит Шолохов.

Работает он только по ночам. Привычку эту создают посетители, которые валом валят к писателю. Тут казаки, колхозники, рабочие, командиры, студенты, туристы, иностранцы, старухи, дети, журналисты, писатели, музыканты, поэты, композиторы, — все едут на машинах, на лошадях, верхом, на лодках, на пароходе, летят на самолетах. И всех Шолохов ласково принимает, поговорит, раз'яснит, поможет, направит.

Он страстно любит свою степь, с ее суховеями, то знойным, то ласковым солнцем, с ее оврагами, перелесками, с ее зверями, птицами. Он страстно любит свой Тихий Дон, который, ласково изогнувшись, так мягко, нежно обняв станицу зелеными берегами, создал удивительно уютный, задушевный, тихий, чуть задумчивый уголок. А в Дону ходит рыба, богатая востроносая стерлядь, и Шолохов весь отдается рыбной ловле.

Дон дает ему массу впечатлений, типов, часто неожиданных проявлений народного творчества, самобытного, оригинального в борьбе с природой. У писателя — большие знакомства и тесные дружеские отношения с рыбаками-казаками. Он у них учится, он их наблюдает, он берет от них сгустки векового народного творчества.

Старый, седобородый, лет под девяносто казак-рыбак, молчаливый, сосредоточенный — ставит свои переметы на стерлядей, как и другие рыбаки, чьи баркасы секут по синеве, в Дону. Но вдруг исчезает, и никто не знает, куда он подался. Только всегда гонит к станице свой баркас, и в плетеной корзине густо бьется стерлядь.

Стерлядь — капризная рыба: то не успевают ее с накатных крючков снимать, то вдруг пропадает, — ни одной! И рыбаки сушат свои снасти на берегу, — без толку и ставить. А дед откуда-то пригоняет баркас полон стерляди. Между казаками-рыболовами твердый слух: колдун! Как ни просили, как ни кланялись деду, чтобы открыл секрет, молчит, как каменный.

Стал просить открыть секрет Шолохов. Дед — ни за что. Раз вытащил из кармана Шолохов бутылочку, выпили. В другой раз вытащил, пошатнулся старик, не выдержал:

— Слухай, внучек, только перед богом дай обещание — никому не скажешь. Это мой дедушка папаше моему передал, а папаша мне. Пойдем.

Спустились к воде. По всему берегу виднелись вытащенные баркасы: стерлядь начисто ушла куда-то: густой Дон синел. Подошли к сапетке — плетеной из прутьев корзине, что тихонько качалась на приколе. Полез дед в нее рукой, вытащил маленькую, вершка в два стерлядочку,—у него всегда их было наготове несколько,—достал из шаровар длинную, предлинную суровую нитку, протянул конец ее иголкой через хвостик стерлядки, захлестнул, а к другому концу привязал гусиное перо.

— Ну, садись.

Сели в баркас. Зорко проглядел дед весь берег, — никого. Оттолкнулся. Проплыли за поворот. Дед осторожненько сунул в воду стерлядку и выбросил перо с ниткой. Стерлядка исчезла в глубине, а перо, нырнув и вынырнув, мигая, торопливо поплыло вверх по Дону. Дед изо всех сил налегал на весло, поспевая за пером.

Перо вдруг остановилось, постояло вертикально, потом легло и понеслось вниз. Дед за ним. И километр, и два, и три бежит белея перо, и баркас за ним. Много проплыли по течению. Вдруг опять стало. Остановился и баркас. Долго стояли. Тогда дед снял шапку, перекрестился.

— Здесь.

Поставили перемет. Скоро стали снимать трепещущих стерлядей.

Стерлядь — общественная рыба, живет стадами. И — кочевая рыба: поживет на одном месте, снимется и уйдет за десяток, другой километров, а на прежнем месте пусто, и рыбаки сушат переметы. Вот стерлядка-то и нашла стаю.

Рыбная ловля на Дону, и охота, когда он от зари до зари бродит по степи, в которую вкраплены по балкам, по степным речушкам колхозы, дают Шолохову и огромное наслаждение и огромный творческий материал. Дон, степь, казачество, его история, его быт, его психология, вся эта громадина неохватимо надвинулась со всех сторон и кровно связана с психологией, с настроениями, с чувствами самого писателя.

Едет Шолохов верхом домой после прогулки в степи. Под станицей между садами вьется узкая, сдавленная высокими плетнями, дорога. Из-за поворота вылетает на большом ходу машина. Лошадь — на дыбы, еще секунда, и она валится вместе с седоком на груду щебня у плетня. Машину затормозили, выскочили седоки, охают, извиняются, просят сесть в машину, довезут домой, а вскочившую лошадь доведут.

— Ладно... ничего... — говорит Шолохов, садится в седло: унизительно верховому ехать в машине, а лошадь вести в поводу.

В'езжает в станицу, глядь, а морда у лошади в крови. Э-э, стой! Разве можно в таком виде явиться в станицу? Поворачивает к Дону, слезает на берегу, заводит лошадь в воду и начинает тщательно отмывать лошадиную морду от крови. Потом отмыл пузо и ноги от грязи, — заляпались, когда упала через камни. Вымыл с величайшим трудом, усилиями и болью: нога, как свинцовая,—взобрался на седло и в'ехал в станицу на вымытой, чистой лошади. Дома уже не мог сам слезть, — сняли. Внесли в комнату. Сапог нечего было и думать снять, — нога почернела, раздулась, как бревно. Пришлось сапог разрезать. Характернейшая черта казачья: сам изломался, но лошадь должна быть в порядке.

Он часто приезжает в какой-нибудь колхоз, соберет и стариков и молодежь. Они поют, пляшут, бесчисленно рассказывают о войне, о революции, о колхозной жизни, о строительстве. Он превосходно знает сельскохозяйственное производство, потому что не со стороны наблюдал его, а умеет и сам участвовать в нем.

Шолохов принимает близкое участие в общественной жизни станицы. Он член ВКП(б) и член райкома партии. При его помощи организован театр молодежи в станице.

Он — отличный семьянин. Трое ребятишек.

*

Несколько лет тому назад Шолохов поехал за границу и было помер с тоски. Он попал в Берлин. Чуждый язык, особый, строгий уклад громадины-города подавляли его. А перед ним все стояли золотые под солнцем степи, без конца и краю размахнувшиеся в теряющуюся по краям синеву. Синел перед глазами тихий Дон, уютный, весь в зелени его уголок под Вешенской станицей, колхозные собрания, веселые сборища, песни и пляски казачьей молодежи, — нет, не мог вытерпеть Шолохов, поехал на вокзал, в вагон — и на милую родину, такую милую, родную, что ни забыть ее, ни надолго оставить невозможно.

В 1935 году он снова поехал за границу, теперь возмужавший, теперь уже, кроме «Тихого Дона», автор «Поднятой целины», вещи, которая открыла глаза зарубежному читателю на удивительный процесс единственной в мире переделки индивидуалиста-крестьянина, мелкого хозяйчика в коллективиста, в социалистического работника.

Произведения Шолохова по своей правдивости, искренности, по своей внутренней красоте и художественной убедительности, по своей красочности, по своему умелому психологическому анализу нашли широкий доступ в сердца зарубежных читателей. Его вещи переведены на все европейские языки.

Его поездка в Данию вызвала огромный интерес в широких кругах Дании, Швеции, Норвегии. «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» в переводах зачитывались. Он разбудил в скандинавских странах своими вещами огромный интерес к советской литературе, к советской культуре. Скандинавских читателей нагло всегда обманывала буржуазная печать, которая в лучшем случае замалчивала достижения советской литературы, советского искусства, советской культуры, в худшем случае — несла тупую околесицу, расписывая большевиков как полудикарей, у которых не может быть талантливых произведений. И вдруг датчане, и шведы, и норвежцы собственными глазами стали читать в переводах прекрасного советского художника, развернувшего огромные полотна, равных которым не найдешь в буржуазных странах в теперешнее время.

Но не только стали читать, они увидели воочию этого писателя, они услышали его, этого представителя незнаемой советской литературы, о которой так злобно и упорно, так долго лгала буржуазная печать или с ненавистью упорно молчала. А он, вот он стоит живой представитель литературы прекрасной советской страны. Ему задают массу вопросов обманутые читатели, и он спокойно и ясно отвечает, и обман постепенно рассеивается. Это — победа, победа — вторгнуться в чужое, искусственно созидаемое буржуазной печатью непонимание и разломать его.

Своими прекрасными произведениями и своей поездкой в зарубежные страны Шолохов сослужил большую службу народам СССР. Он хорошо поработал над уничтожением той неправды и лжи, которой оплетает буржуазная печать своего зарубежного читателя.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Народному поэту

Писал ты искренним пером,
В стране ты с каждым был знаком,
Мы, головы склонив, идем —
Нам жаль тебя, большой учитель.

Твоя простая, без прикрас,
Из сердца в сердце речь лилась.
Природа отняла у нас
Тебя, мой дорогой учитель.

Твое мы сердце понесем,
Твои мы песни допоем,
Ты спи, не думай ни о чем, —
Мы продолжаем бой, учитель.

О смерти весть проникла в грудь!
Ты спишь — и братьям не уснуть.
Как сын, готов продолжить путь
Таир Хурукский твой, учитель.

ТАИР ХУРУКСКИЙ
Перевод с лезгинского **П. ПАНЧЕНКО.**

★

Цепи гор стоят в почетном карауле,
Дымкой траурной окутал их туман, —
Спит ашуг... Но песни не уснули,
В песнях жив навеки Сулейман.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

★

Друзьям он руки не пожмет.
Он новых песен не споет.
Умолк певец — и наш народ
Скорбит над гробом Сулеймана.

Но смерть поэту не страшна.
Над ним не властвует она.
Ведь в песнях слышит вся страна
Могучий голос Сулеймана.

В. ГУСЕВ.

★

Смерть подошла негаданно, нежданно, —
Лежит певец и не откроет глаз...
Но молодые песни Сулеймана
Над миром прозвучат еще не раз.

Они летят, как птицы золотые,
И им не страшен ветер и туман,
И всюду старики и молодые
Ведут с тобой беседу, Сулейман.

М. ИСАКОВСКИЙ.

★

Нет, не погаснуть им, твоим мечтам!
Твои уста сомкнулись. Но во-веки
Не смолкнут соловьи, не обмелеют реки
И не иссякнут песни, Сулейман!
Все, что воспел ты с искреннею страстью,
Сто крат исполнится. И розы расцветут
На всей земле, где твой высокий труд
Пленил сердца своей певучей властью!

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Он средь поэтов был глубоким стариком,
Но муза юная ему венок сплетала.
Влюбленность в нашу жизнь ни в ком
Так молодо, как в нем, не трепетала.

В нем воплощенье обрели
Поэзии живой извечные начала.
Какие образы в его стихах цвели!
Какая музыка звучала!

Как был стремителен, могуч, красив и смел
Орлиный взлет его и крут его парений!
С какою гордостью восторженной он пел
О гении — вожде, поэт — народный гений!

Не будет времени, когда бы мир забыл
Певца, в предсмертные свои слова и вздохи
Вложившего любви неукротимый пыл.
Преклонимся пред ним почтительно: он был
Гомером сталинской эпохи!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

★

Он запевал свои стихи,
Серебяный лезгин.
В орлиных бурках пастухи
Садилися вокруг.
Уже к заре клонился день,
В ущелиях — ни зги!
И синяя ложилась тень
На лиловатый луг.

Он пел о Сталине, поэт,
Не торопя струны —
И лик вождя сиял, как свет,
Как солнца торжество.
Он пел о Сталине, ашуг,
О гении страны,
И Шат, и Сокол, и Машук
Заслушались его.

Пройдут года, пройдут века,
Но песня будет плыть.
Она огонь большевика
В грядущее несет.
Прощай, кавказский наш Омир,
Ты будешь вечно жить!
Велик и тот, кто строит мир,
И кто его поет.

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ.

★

Он песню при себе всегда носил.
Он, как поток, то гневен был, то весел,
Один певец — а сколько было песен!
Один старик — а сколько было сил!

В. ИНБЕР.

★

Замолк певец из песенного стана,
Но боевым словам не замолчать,
И будут их на шашках Дагестана
Бойцы перед сражением читать.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН.

Большое сердце

Умер Сулейман Стальский...

В дагестанских горах, недалеко от Касумкента, если вы пройдете новый большой многоарочный мост через пенистый Гильгяри-чай и еще три километра по живописной дороге, вы придете в аул Ашага-Сталь, на родину прославленного народного певца.

Вдали видны в хорошую погоду вершины Шах-Дага и зеленые рощи окружают аул. Воздух прозрачный, легкий, теплый. Звонко бегут ручейки, поют птицы, здесь хороший приют для поэта-созерцателя, приготовленный самой природой. Но Сулейман не был таким поэтом, хотя он умел самые тонкие переживания передавать в искренних и простых словах.

Он прожил длинную, суровую жизнь, он знал труд батрака, рабочего-ремесленника. Он работал в Средней Азии, в Баку, в своем родном Дагестане. Он видел все бесправие царского черного времени, он знал, что такое народная нужда и горе бедняков. Он пел об этом в своих вдохновенных песнях. Не петь он не мог. Он родился ашугом, поэтом.

Он пронес через всю трудную жизнь незапятнанное имя преданного народу певца, и песни его стали известны всему Советскому Союзу.

Мы помним трогательную перекличку двух старых певцов с разных концов нашей великой родины — Сулеймана и Джамбула, как свидетельство неоспоримой дружбы народов, как свидетельство братского единения мастеров радости, неразделенных больше ни предрассудками, ни тайными кознями темных правителей прошлого.

Когда Сулейман в Кремле, в торжественный час вручения ему ордена Ленина, сказал речь, он сравнил себя с оружием, которое было покрыто ржавчиной и пролежало в земле много лет, и только советская власть вынула это оружие из земли, очистила его, вернула ему блеск и силу.

Певец народного горя стал певцом народной радости. Еще сильнее забилось сердце старого ашуга, когда он увидел, какие дела творятся в его собственных горах новыми горцами сталинской эпохи.

Мосты воздвигались там, где люди ежегодно тонули, борясь с рекой; легли гладкие дороги там, где по скользкой и узкой тропинке чуть не на четвереньках проходили люди; горцы — неграмотные, темные, затравленные ханами и муллами люди — стали вольными колхозниками, знатными хозяевами своей земли.

Имя Сулеймана Стальского получило заслуженную славу. Песни его, сложенные им устно, — он был неграмотен, — далеко вышли за пределы маленького аула, обрели множество новых тем, миллионы читателей.

И наконец в замечательные предвыборные дни трудящиеся Касумкентского и Дербентского районов Дагестана выставили его кандидатуру в депутаты Верховного Совета.

Разве не прошел он со своим народом весь путь борьбы и победы? Он высмеивал в сатирических стихах все скудоумие служителей ислама, он бичевал злобных угнетателей, он горько оплакивал в песнях печальную судьбу лезгинского народа.

Разве не пел он о борьбе, о боях за свободу, о героях, заплативших своей жизнью за бой с врагами народа?

Настали новые времена, расцвел его аул, свободно вздохнул его народ, — и сколько песен сложил он о Красной Армии, о Кирове и Серго, незабвенных вождях побед, о новом Дагестане, о новых победах героев Советского Союза, о челюскинцах, о полюсе, о великих перелетах, о том, кого вся страна наметила своим первым кандидатом в Верховный Совет —

В счастливом солнечном краю,
Его, великого, пою,
И я свой голос отдаю
Тому, кто наше знамя, — Сталин!

Время и пространство были побеждены. Из далекого скромного селения в силу заслуг своих должен был шагнуть в залу Верховного Совета строгий мудрый Сулейман, полный песен, как в дни своей юности, старец с легкой молодой походкой горца, с необыкновенной памятью, с неиссякаемым вдохновением.

Он был необычайно трудолюбив. Он мог повторить слова старого лезгинского поэта, знаменитого Истим-Эмина, сказавшего в стихах:

Если листья всех лесов,
Всех деревьев вкруг аула
Превратить в листы бумаги,
Ветви в перья превратить —
Родники, ручьи — в чернила,
Всего этого нехватит
Для стихов моих и песен.

Старые горские сказания говорят о легендарных подвигах. Но он был тоже легендарен, этот славный сын народа, певец его, и как подвиг прожил он свою многотрудную жизнь, освещенную в старости светом нового солнца.

Он был жадный до жизни человек. Я видел, как он ходил по Москве, с гордой и теплой улыбкой озирая великий город. На все новое он откликался с живостью юноши.

Он не был человеком, замкнувшимся в горах, вдали от людей. Нет! Из маленького аула своего зорко следил он за огромной жизнью, и ни одно событие не проходило вне его внимания.

Он не умел читать, но он умел как никто слушать голоса мира.

Древняя мудрость Востока говорит: благословен час, когда мы встречаем поэта.

Я помню хорошо свою первую встречу с ним. В полутемной, наполненной вечерней прохладой роще, сидел он сосредоточенный и взволнованный и читал нам свои стихи.

С каждой минутой все больше и больше становилось в роще людей. Односельчане, возвращаясь с полевых работ, слыша его голос, тихонько садились на камни, на траву, положив около себя серп или лопату, или цепь кузнеца, и слушали стихи, затаив дыхание. Эти люди прекрасно понимали, что такое стихи, и дорожили тем, что среди них живет замечательный поэт. Медленно звучал голос поэта в тишине рощи, и все это было очень удивительно.

Мне становится страшно грустно при мысли, что я не увижу больше Сулеймана, не сяду с ним в его вечерней роще под деревом и не услышу его тихого, вдохновенного голоса.

Большое сердце имел Сулейман, и это сердце перестало биться. Нам осталась история его жизни и его песен. Пусть же они станут примером для молодого поколения поэтов нашей великой родины.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ.
ЛЕНИНГРАД. (Передано по телефону).

Сулейман Стальский в колхозном саду своего родного аула Ашага-Сталь. Фото Г. Гер.

Сулейман Стальский

РАССКАЗ О СЕБЕ

Мать была беременна мной, когда отец ни с того, ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди, в хлеву. Оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили это на мне: не дав мне даже испробовать материнского молока, они завернули меня в драную рогожу и подкинули к отцовским воротам. Так с обиды и началась моя жизнь.

Соседка, у которой в ту пору родился мертвый ребенок, из жалости кормила меня грудью, обзывая щенком. До семи лет я оставался у нее. Потом отец однажды увидел: взрослый мальчик в соседском дворе — «Ба, да это же мой сын!» — и взял в свою саклю.

Сакля была полна детей, нелюдимая мачеха прятала от меня кукурузные лепешки, я рос, как и родился, в хлеву, рядом с буйволом. Не помню ничего об этой поре, кроме навозного запаха. Потом заболел отец, сошел с ума. Целыми днями он собирал по улицам камни и прятал от людей, называя это богатством... Внезапно поседел, глаза пожелтели. Умер отец, оставив на руках у мачехи шестерых детей и разбросанные по двору кучи речного булыжника...

Не могу назвать ни одной точной даты. То были не такие времена. По всей округе у нас только два человека знали грамоту, да и то начальник почты и старшина. Я был, вероятно, тринадцатилетним мальчиком, когда ушел из своего аула. В Дербенте меня «призрел» богатый человек. Я ухаживал за его трехверстными виноградниками, сторожил конюшни, рубил дрова, чистил двор. Четыре года батрачил я у этого человека, ни зимы, ни лета не замечая. А когда уволился, оказалось, что снова некуда себя деть, и карманы мои попрежнему пусты.

Тогда я вернулся в свой аул. Но в Ашага-Стале всегда было батраков больше, чем надо, и долгое время мне пришлось перебиваться поденной работой у соседей. Я был молод. Это очень унизительно, друзья, просить поденной работы у соседей. Люди рассказывали, будто неподалеку, в Гандже, англичане арендуют у царя землю, где добывают какие-то корни. Там нужны рабочие. И вот вместе с другими я вскоре уехал в Ганджу.

Два года работал я на плантациях, жил впроголодь, болел малярией и, наконец, не выдержав, сбежал. Это была настоящая ловушка. Я не только ничего не накопил, но еще задолжал в харчевне, где кормили нас коровьими кишками. Из Ганджи — я и сам не помню как — добрался до Самарканда. Там я устроился чернорабочим в депо и работал несколько лет подряд. Затем около года работал на постройке железной дороги и больше года на постройке моста через Сыр-Дарью.

Очень много видел и узнал я в те годы. Я узнал, что везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку, что уйти от себя самого невозможно, что бедные люди и на Сыр-Дарье и в Ашага-Стале одинаково несчастны. Тогда потянуло домой... Но денег оставалось мало.

Я застрял в Баку и с трудом устроился на нефтяных промыслах. Проработал там около двух лет. Жил я очень скромно. И когда с грехом пополам накопилась у меня некоторая сумма денег, оказалось, я уже тридцатилетний мужчина, у меня борода и я уже старею. Надо обзаводиться семьей. Это было очень трудное дело. Но мне повезло впервые в жизни. В ауле я нашел круглую сироту — дочь бедняка-об'ездчика. Нас повенчали, и я навсегда поселился в ауле.

Своими руками, вместе с женой, мы построили маленькую саклю. Недоедали, недосыпали, завели огород. Огород охраняла жена, а я в это время жал у людей пшеницу.

Однажды я возвращался домой к обеду. На одной из улиц я заметил, что собралось множество народу, и удивился: «Что же случилось?» Посреди улицы сидели бродячие ашуги (народные певцы) с бубнами в руках и пели песни о соловье, тоскующем по солнцу. Ашугам бросали в подол серебро и медь. Постоял я с народом, послушал: «Чорт возьми, ведь это же все давно лежит у меня на душе! Постойте-ка, постойте!»

— Ведь это мои слова! — крикнул я.

— Куда тебе, убогий! — ответили мне. — Ты на себя посмотри, разве эти слова подходят к твоему носу, соловей ты!..

Домой я вернулся пристыженный.

«О соловье может всякий спеть», — сказал я дома жене и, взяв в руки вместо бубна папаху, впервые в жизни начал слагать стихи.

...Влюблен без памяти в цветы,
Не замечаешь разве ты
Страданья, муки нищеты
И плач, и стоны, соловей!..

Это — строчки из первой моей песни, которую я сложил к концу того же дня. Я прочел ее друзьям, но друзья не поверили:

— В таком случае сложи-ка песню о старшине.

Мои друзья в большинстве были безземельные отходники. Они годами пропадали на нефтяных промыслах в Баку и лишь изредка приезжали на лето в аул. Они были почти настоящие рабочие.

— Мир, — говорили они, — это весы, умышленно сбитые с толку. Ты смотри, Сулейман, не ошибись. На этих весах и днем и ночью обвешивают нашего брата на кусок хлеба, на аршин бязи, а иногда и на целую жизнь. Будь смелее, проверяй все гири...

Песни свои я привык слагать в поле, во время работы. Возвращаясь под вечер в аул, я часто присоединялся к друзьям и по дороге повторял то, что сочинилось за день. Я даже не заметил, как мои песни стали распеваться в ауле. Мое новое дело оказалось трудным и очень неспокойным.

Как-то, во время отдыха у родника, я спел песню о царских судьях. Услышавший мою песню мулла ткнул меня палкой в грудь и стал кричать:

— Где это слыхано, чтобы голодранцы учили царских судей? Ты! Паршивый хвост! Твое дело плестись сзади, а думать за тебя, слава богу, поручено голове.

Это обожгло меня.

— Разве на хвосте растут такие руки? — вскричал я, схватив муллу и приподняв его над родником. Мои товарищи рассмеялись... Мулла побелел и умчался в аул. За мной явился старшина. Меня забрали в канцелярию, допрашивали и пытались посадить в тюрьму. Но пришли друзья. Они поклялись на коране, что Сулейман не со зла показывал силу своих рук. Меня отпустили, строго-настрого предупредив, чтобы никогда больше не слагал я «грязных» песен...

Но поэт молчать не может. Скрыть от мира, сохранить для себя свое сердце ему не удастся.

Однажды ко мне пришли только-что вернувшиеся из Баку мои старые приятели. Они рассказали мне печальную историю. На нефтяных промыслах была забастовка рабочих, но она кончилась неудачно, и моих друзей уволили как зачинщиков. О забастовке я сложил песню.

Так от случая к случаю я слагал песни, подобно тому, как горячую, обжигающую пищу глотают осторожно по маленькому кусочку...

Прошло лет пять. И вот слышу я однажды весной, что царя свергли, что все теперь равны, что пришла свобода. Прошли месяцы, оглядываюсь кругом, — все прежнее. «Какая же это свобода, — думаю я. — В судах попрежнему сидят те же судьи, богатеи аула попрежнему властвуют над нами!» А потом закружилось время. То англичане, то деникинцы, то бичераховцы, — кто их звал?

В ту пору я еще не знал о большевиках. Я думал много. Мимо моей сакли проезжали люди и спрашивали моего совета. Но я не всегда торопился с ответом. Я знал — язык не нога: споткнувшись языком, часто остаешься лежать на земле, не в силах подняться.

Однажды в Касум-Кент пришли интервенты и повесили трех моих односельчан. За что? Оказывается, они были большевиками и шли из Баку к нам на помощь...

«Ого, — подумал я, — земля наша, горы наши, а люди, которых убивают, ведь тоже наши... Что ж это такое? Значит, большевики — это мы сами, а чужие люди тут хозяйничают».

В тот же день на улице встретился мне мой бывший хозяин.

— Сулейман, — сказал он, — почему ты не сложил песню в честь Казим-бея, или бережешь ее для большевиков?

Я промолчал.

— Этот мир — колесо, — прибавил хозяин, — все время вертится...

— Неправильно вертится, — оборвал я его.

— Постой, постой, уж не просится ли твоя шея на крючок!

— Нет, — ответил я. — Крючок любит сало, а шея моя сплошь из мозолей!

В тот день в моей крови одна капля заговорила по-большевистски. Я не стал мешать ей, я дал ей волю. Ее голос стал родным.

Записал **Эффенди Капиев.**

Москва, апрель 1936.

Сулейман Стальский

СТАЛИН

Живое двигая вперед,
Могучих партия ведет,
Шагает трудовой народ,
И ты их знамя, Сталин.

Для всех трудящихся, как свет,
Горишь ты с юношеских лет,
Ведя туда, где горя нет,
Где только радость, Сталин.

Идут года, за годом год.
Нас охраняешь от невзгод,
И дальний виден небосвод
Тебе, вершина Сталин.

Ты вражью жадность иссушил,
Ты нас победам научил,
Ты в руки слабых ключ вручил
От новой жизни, Сталин.

Известен всей вселенной ты,
Деяний славных мастер ты,
Познавший мысли бедноты,
Тебя пою я, Сталин.

Сулейман Стальский

О ДРУЖБЕ НАРОДОВ

Счастливой песней каждый день
Мы шлем товарищам привет,
И тут лохматых злая тень
Не омрачит весны привет.

Плодами лучшими богат
Шумит над нами жизни сад,
И все пышней его наряд.
Земле советской наш привет.

Великой дружбою сплочен
Строй многочисленных племен,
И песни шлют со всех сторон
Родному Сталину привет.

Не видя дружбы меж собой,
Мы волчьей рыскали тропой,
И темный лес над головой
Нам солнца заслонял привет.

Но нашей партией давно
Нам счастье ясное дано,
И солнце красное в окно
Нам ежедневно шлет привет.

Творец прекрасной песни

За годы революции создан новый тип поэта, поэта-большевика, поэта-патриота, верного народу и всю свою жизнь отдающего защите народных интересов. Таким был Сулейман Стальский! Народный поэт Дагестана, поэт маленького горного народа, стал популярнейшим поэтом всей страны Советов. Стихи, которые произносились сначала на лезгинском языке и печатались в газетах Дагестана, через несколько дней становились известными всей стране и звучали на десятках языков свободных народов Советского Союза. Стихи Сулеймана Стальского стали частью нашего повседневного быта.

Огромное чувство любви к товарищу Сталину, чувство глубочайшей преданности делу большевистской партии озаряет стихи Сулеймана.

Умер громадный поэт.

Советские поэты должны подхватить выпавшее из рук певца знамя свободной и прекрасной песни и нести это знамя так же высоко, как нес его великий ашуг Сулейман.

В. САЯНОВ. А. ПРОКОФЬЕВ

Великий и скромный человек

Умер великий и скромный человек, которого его читатели и друзья любовно называли своим Сулейманом. Социалистическая революция, растворившая старую тюрьму порабощенных народов, вывела его из бедного дагестанского аула к самым вершинам нашей общественной жизни. Он ушел от нас окруженный любовью, признанием и доверием самых широких народных масс, накануне избрания в Верховный Совет своей родины. Мы потеряли замечательного художника высокого приподнятого слова, и советская поэзия не скоро возместит эту невознаградимую утрату.

Только в эпохи величественных народных движений появляются такие люди. Сулейман Стальский был громадным и настоящим поэтом в глубоком и первоначальном значении этого слова. Самое понятие это выпадает из обычных будничных представлений о поэте. У древних римлян имелось слово для обозначения народного певца: «Vates». Одновременно в этом слове содержалось значение и поэта, и провозвестника, то есть избранника народного, говорящего от лица самого народа, из самой глубины души его.

Великий дагестанский ашуг слишком хорошо помнил скорбный вчерашний день своей страны. Потому он так и любил ее победное сегодня и сияющее завтра. Его безупречная преданность всенародному делу Ленина—Сталина подняла его творчество до уровня государственной деятельности. Стихи Сулеймана о вожде, о родине, о социалистическом саде вышли в свет в самом большом тираже, какого еще не имели поэты: они написаны в сердцах всех честных бойцов, об'единенных одним великим словом — **Сталин.** Всем нам надо много учиться у него искусству строить свою творческую биографию.

В дни последнего писательского с'езда мы все видели один удивительный по своей скрытой символике фотографический снимок: два великих мастера советской литературы беседуют в перерыве—М. Горький и Сулейман Стальский. Это один из самых значительных документов единства и дружбы нашего многонационального искусства. Оба они принадлежат к тому высокому разряду творцов, которые, по слову поэта, призваны народом «глаголом жечь сердца людей».

Теперь их не стало обоих. Какая громадная ответственность ложится на наше молодое осиротевшее поколение советских литераторов.

Л. ЛЕОНОВ.

Он перейдет в легенду

На Первом всесоюзном с'езде писателей обращала на себя внимание фигура старика в пастушеской одежде горца. Это Стальский, Сулейман Стальский — передавали друг другу, — дагестанский ашуг. Он привез с'езду привет в стихах со своей родины. Старик вежливо, в величавом безмолвии сидел в аванзале, дожидаясь часа своего выступления.

Программа с'езда разрасталась. Прибывающие делегации раздвигали вширь его распорядок. Ораторам не предвиделось конца, и их речи переносились с утра на вечер, с заседания на заседание. Тем временем сухо потрескивающие юпитеры фотографов раскаляли и без того жаркую атмосферу битком набитого Колонного зала. И вот чуть-чуть очумелые, мы, как в лихорадке, носились из президиума в почтовое бюро и помещение для машинисток, к мандатному столу или в фойе, куда нас вызывали записками. Озаренные люстрами, в пропотевшем до нитки летнем платье мы садились, вставали, совещались, звонили в звонок и призывали к порядку.

А он сидел, как сел в первый день, в барашковой шерсти и войлоке, недвижно скромный и учтиво горделивый. Он сидел и смотрел куда-то вдаль перед собой, и только раз, когда к нему подошел Горький, которому он радостно и почтительно шагнул навстречу, в его поле зрения вместе с Горьким вошли колонны, лампочки и публика в зале, и вместе с ним вышли, когда Горького отозвали в сторону.

Трибуна, вселявшая такое волнение в нас, его не испугала. Она не изменила его голоса, не нарушила спокойствия, ни черточкою не сломила красивой простоты и стройности его повадки. Ему дали слово. Зал насторожился. Ровно и по-вековечному текла незнакомая медленная речь. Было ясно: зал для него тесен, помост — недостаточно высок. Верстовой простор виделся его взору, верстовая высь подпирала его. Вот что, кроме приветствия, привез он с Дагестана, вот с чем сидел несколько дней среди нас.

Завидна участь творцов, закладывающих начатки нового родного просвещения. В них все культура: каждый их шаг и вздох, движение мысли и поступка, их телесный облик, все одухотворено, все значимо, все на пользу. Помимо сложенных им творений, и самая жизнь народного барда есть памятник письменности, потому что автор сам становится книгой, книгой для записей последующих поколений.

Так будет, верно, и со Стальским. С той же располагающей естественностью, с какой переступал он любой порог, вступит он в обстановку бессмертия, и перейдет в легенды, прямодушный, внушительный, непритязательно вдохновенный.

БОРИС ПАСТЕРНАК.

Его песни бессмертны

Союз советских писателей БССР и все трудящиеся нашей родины с глубокой болью узнали о смерти выдающегося певца народов Советского Союза, великого самородка, Гомера XX века, народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского.

Сулейман Стальский был безмерно дорог сердцу каждого патриота нашей родины. В этом великом человеке все мы видели олицетворение вековой народной мудрости, глубины и искренности. Душа Сулеймана пылала неугасимым огнем творчества. Весь свой лучезарный песенный талант, все свое великое сердце Сулейман Стальский отдавал социалистической родине, отдавал великому нашему гению — Сталину. О Сталине он сложил самые задушевные, самые искренние, самые глубокие песни.

Сегодня, расставаясь с Сулейманом Стальским, мы говорим:

Спи спокойно, великий и мудрый певец! Родина, которой ты отдал весь свой талант, под водительством Сталина пойдет к еще большей радости и счастью. А тебя она никогда не забудет. Твои песни бессмертны!

ЯКУБ КОЛАС, ЗМИТРОК БЯДУЛЯ, П. БРОВКА, К. КРАПИВА, К. ЧОРНЫЙ, А. КУЧАР.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

«Хлеб» Алексея Толстого

Окончание. Начало см. на 1 стр.

Первый германский корпус глубоким об'ятием охватывает северо-запад Донбасса и Харьков. Только сдержав наступление немцев, можно успеть вывезти из Харькова огромное военное имущество. Сюда на фронт спешит военком Ворошилов со своим отрядом луганцев, в несколько сот штыков. На железнодорожных станциях хаос, на фронте — неразбериха: красные части действуют несогласованно между собой; нет связи, никто не знает, где штаб командующего украинскими армиями...

Отряд Ворошилова прибывает на ст. Ворожба. Для того, чтобы выяснить, насколько продвинулись немцы, Ворошилов с несколькими товарищами отправляется на паровозе на разведку к Конотопу и, столкнувшись с германским бронепоездом, едва не гибнет под орудийным обстрелом. Чтобы остановить бронепоезд, прорвавшийся к Ворожбе, Ворошилов и его разведка отвинчивают рельсы.

Вернувшись на ст. Ворожбу, Ворошилов собирает ночной митинг. Призывая луганцев умереть, но не пустить врага в Донбасс, Ворошилов со своим отрядом и одной единственной пушкой занимает подступы к Ворожбе. Отряд не выдерживает напора превосходных, технически оснащенных германских сил. Немецкие драгуны прорвали фланг, луганцы бегут. Ворошилов останавливает бегущих, поворачивает их лицом к врагу и, отбив атаку немецких драгун, лично ведет луганцев в штыковую контратаку. Легенда о непобедимости немцев разлетается в прах: германцы не выдержали штыкового удара рабочих-красногвардейцев.

Плохо вооруженные и малочисленные красные части вклиниваются в неравной борьбе с немцами, гайдамаками и белогвардейцами на подступах к Донбассу, а пролетарские центры душит костлявая рука голода.

Герой повести Иван Гора с делегацией питерских рабочих пришел к Ленину.

«— Плохо, Владимир Ильич, голодуем,— говорит старый рабочий Ленину в «Хлебе» Алексея Толстого. — Держимся, крепимся, пролетарскую свободу не продадим. Но тревожимся: до урожая ждать три месяца, а есть нечего, детишки по весне начали помирать. Жалко, Владимир Ильич. У женщин шатается воображение. Еду только во сне видим».

Иван Гора, а вместе с ним сотни и тысячи передовых пролетариев после свидания делегации питерских рабочих с Лениным откликаются на призыв Ильича «организовать великий крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий «крестовый поход» против нарушителей хлебной монополии. Герой повести Алексея Толстого Иван Гора с продотрядом питерских рабочих едет в Миллерово по казачьим донским станицам.

Жизнь одной такой донской станицы — Чир замечательно рисует автор, вплетая все новые события и персонажи в свою повесть. Показывает богатого казака Иону Негодина, его измывательства над батрачкой «хохлушкой» Агриппиной Чебрец, сестрой одного из красногвардейцев луганского отряда. Описывает семью брата Ивана Горы — Степана, бедняка-иногороднего, живущего здесь же: рассказывает о том, что сельсовет Чира захвачен ставленниками богатеев-мироедов, в то время как советом соседней Пятиизбянской станицы руководит преданный сторонник советской власти казак Аникей Борисович.

Алексей Толстой с большим художественным мастерством описывает борьбу Ивана Горы и его товарищей, питерских рабочих-продотрядцев с кулаками-мироедами, борьбу, приведшую к трагическому концу. Кулаки-казаки нападают на ночующих в сарае питерских рабочих и зверски расправляются с ними.

По станицам шныряют уже первые белогвардейские казачьи сотни Мамонтова. «В ночь на двадцатое седлать коней» — условились казацкие кулаки-мироеды. В станице Чир вспыхнуло восстание. Аникей Борисович захвачен в плен белогвардейцами-казаками, связан и брошен на телегу. Мироед-кулак Иона Негодин опять стал хозяином станицы. Он угрожает расправой семье бедняка Степана Горы и в первую же, после кулацкого переворота, ночь пытается изнасиловать батрачку Агриппину, которую давно любит питерский рабочий Иван Гора. Агриппина шилом убивает Негодина и убегает из станицы к красным на фронт.

Немцы продолжают наступать. Хаос и неразбериха раз'едают все еще фронт красных. Эта дезорганизация еще более усиливается после нового провокационного приказа Троцкого разоружать отступающие красные украинские части, не давая им «во исполнение договора с немцами» переходить границы Великороссии...

Благополучно эвакуирован Харьков. Огромную роль в этом сыграл Ворошилов. По распоряжению Совнаркома Донецко-Криворожской республики он организует из своего луганского отряда, усиленного коммунистическими рабочими и шахтерскими частями, стойкую военскую группу, обучает свою будущую армию, вводя в ее ряды железную дисциплину. Получив приказ выбить немцев из Сватова, Ворошилов переходит в решительное наступление и опрокидывает германские части. Но левый его фланг неожиданно обнажается отступлением соседних дезорганизованных красных частей.

На ст. Миллерово заседает совет Донецко-Криворожской республики под председательством т. Артема. Путь на север отрезан немцами, на юг — тоже. Единственный выход — пробиваться на восток, чтобы спасти армию, 60 эшелонов военного и заводского имущества, 15 тысяч детей, женщин и стариков — беженцев, вывезенных Ворошиловым из занятых немцами районов.

Ворошилов настаивает на движении на Царицын, которое должно помешать белогвардейцам отрезать хлебные приволжские районы. В двух разных отрядах, входящих в состав армии Ворошилова, мы находим героев «Хлеба» Ивана Гору и батрачку Агриппину. Ивана Гору, едва не погибшего от руки кулацких убийц в сарае, мы видим в красногвардейском шахтерском отряде. Ночью, у костра, он встречается с командармом Ворошиловым и по его приказанию отправляется на разведку. Агриппина в станице Каменской вступает в коммунистический отряд. В жарком бою с белыми она встречается, наконец, с Иваном Горой и своим братом-красногвардейцем.

...Немцы поняли план Ворошилова. Германское командование стремится зажать его армию между Миллеровом и Лихой в мешок и здесь уничтожить. Белые между Лихой и Белой Калитвой разобрали железнодорожный путь. Станция Лихая грозит стать мышеловкой для эшелонов Ворошилова. Надо во что бы то ни стало удержать наступление немцев на станцию Каменскую, чтобы выиграть время для восстановления железнодорожного пути и дальнейшего продвижения на Царицын.

В день Первого мая Ворошилов произносит речь перед бойцами на передовой линии фронта у Каменской. И сейчас же после митинга становится во главе частей, отражающих натиск взбешенных германских войск. Трое суток дерется Ворошилов с германскими полками и батальонами, лично участвуя в рукопашных схватках и увлекая своим мужеством бойцов. Иван Гора, командир шахтерского отряда, защищает фланг. Отряд героев-шахтеров гибнет под огнем, но не отступает: в живых остаются семь-восемь человек.

Задача выполнена. Ворошилов выводит свою армию и эшелоны из огня.

*

...Советская Россия переживает черные дни. Японцы, заняв Владивосток, намереваются отторгнуть всю Сибирь до Урала. Турция, Германия и Англия силой и хитростью проникли на Кавказ. Германская армия, оккупировавшая Крым и Украину, тянет жадные щупальцы к Донбассу. На стыке Кубани и Дона хозяйничает добровольческая армия. В Новочеркасске под защитой немцев собрался «Круг спасения Дона», на котором по указке германского командования избран наказным атаманом генерал Краснов, поклявшийся своим хозяевам к осени очистить Дон вместе с приволжским Царицыном от красных. Хлеб из Сибири перестал поступать — сибирская магистраль захвачена восставшими чехословаками.

В пролетарских городах голод. Где взять хлеб? Решению этого вопроса посвящена беседа между Лениным и Сталиным.

Алексей Толстой пишет:

«Сталин говорил вполголоса:

— Все наше внимание сейчас должно быть устремлено на Царицын. Оборонять его можно. Там тридцать пять, сорок тысяч рабочих и в округе богатейшие запасы хлеба. За Царицын нужно драться...».

Вот как описывает автор «Хлеба» отношение Ленина к предложению Сталина:

«—«Крестовый поход» за хлебом нужно возглавить, — сказал он. — Ошибка, что этого не было сделано раньше. Прекрасно! Прекрасно! — Ленин откинулся в кресле, и лицо его стало оживленным и лукавым. — Определяется центр борьбы — Царицын. Прекрасно! И вот тут-то мы и победим».

В результате этой беседы товарищ И. В. Сталин с чрезвычайными полномочиями Совета народных комиссаров выехал в Царицын. В то время как питерские и московские рабочие получали по осьмушке хлеба в день, в Царицыне не было ни намека на карточную систему и государственную хлебную монополию; богатый мукой и белым хлебом рынок был целиком в руках спекулянтов, город кишел проходимцами, торгашами и контрреволюционерами. В этой обстановке великолепно себя чувствовали генералы Снесарев и Носович, «военспецы» Ковалевский и Чебышев. Эти контрреволюционеры, прикрытые мандатами предателя Троцкого, руководят всеми делами Северо-Кавказского военного округа, готовясь изменнически предать Царицын белогвардейцам. Приезд Сталина был для них бомбой, разорвавшейся среди бела дня...

Сталин созывает к себе в вагон руководящих работников Царицына, задает им вопросы о запасах хлеба в крае, о работе продотрядов, о будущем урожае, о продвижении противника, о количестве штыков на фронте, о резервах, о силах контрреволюции.

Алексей Толстой пишет:

«Когда тот, кого он спрашивал, начинал пространно разжевывать, Сталин прерывал:

— Мне нужны цифры, об'яснения не нужны.

Собеседники его понемногу убеждались, что ему, должно быть, все уже известно — и состояние на фронтах, и цифры хлебных излишков, все непорядки и неполадки, и даже то, чего не знают они, царицынские вожди...».

Сталин спрашивает генерала Носовича, чем он может оправдать малоуспешные действия на фронтах, и не об'ясняются ли они отсутствием правильной политической подготовки. Жалкий лепет изменника-генерала о том, что под огнем неприятеля трудно перестраивать психику бойца, прерывается четкой репликой вождя-стратега:

«— Где перестраивать психику, как не под огнем неприятеля, — там-то и перестраивать».

Алексей Толстой рисует незабываемые картины первых шагов деятельности И. В. Сталина в Царицыне:

«К этому времени вагон Сталина, отведенный на запасные пути, был включен в городскую телефонную сеть. Сталин начал работу. Два его секретаря, молчаливые и бесшумные, вызывали по телефону председателей и секретарей партийных и советских организаций и учреждений, подготовляли материал, стенографировали, впускали и выпускали вызванных... Председатель Чека влез в вагон веселый, как утреннее солнце, ушел с другой площадки—бледный и озабоченный... Председатель железнодорожной санитарной коллегии, не дождавшись вызова в вагон, распорядился подмести вокзал и перрон, для чего был послан грузовик в слободу за мещанками. В порядке общественной нагрузки, их привезли вместе с метлами, от страха и досады они подняли такую пыль, что пришлось отказаться от этой формы борьбы с антисанитарным состоянием.

Весь день шли разные люди по ржавым путям, спрашивая вагон Сталина. Составлялась полная картина всего происходящего в городе, в крае и на фронтах. К ночи стали приходить рабочие: представители фабричных комитетов и некоторые одиночные низовые работники.

И только когда за изломанными станционными заборами, за решетчатым виадуком, за убогими крышами, за темной Волгой разлился зеленый свет и разгорелась безоблачная заря, — в сталинском вагоне погас свет — сразу во всех окнах».

По распоряжению Сталина, в Москву немедленно отправляются эшелоны хлеба. В Царицыне энергично наводится революционный порядок, вводится хлебная монополия, укрепляется партийная работа и развертывается борьба со спекулянтами и контрреволюционерами. Обо всем, что им сделано, Сталин информирует по телеграфу Ленина.

...Новое испытание ожидает армию Ворошилова. Белыми взорван мост через Дон. Путь на Царицын вновь отрезан, и на этот раз армию Ворошилова, казалось, может спасти лишь чудо.

Входящий в состав его частей анархистский отряд «Молния» оказывается бандитским отрядом, готовящимся уничтожить Ворошилова и его штаб. Это открывают Агриппина и Иван Гора, обнаружившие в пиджаке одного из бандитов письмо. Анархистский отряд обезоружен матросом Чугаем, одним из командиров армии Ворошилова.

Пока идет восстановление взорванного пролета моста, Ворошилов, не теряя времени, формирует свою армию, организуя единое снабжение и приводя в порядок запасы. Возвратившийся из Царицына Артем привозит приказ Сталина: пятой армии Ворошилова, переправившись через Дон, итти в Царицын.

Автор «Хлеба» вновь переносит действие в Царицын, где в своем салон-вагоне работает Сталин. Он диктует машинистке телеграмму в Москву, точно перечисляя, какие товары следует послать в Царицын с тем, чтобы заготовить здесь и отправить в голодающие пролетарские центры десять миллионов пудов хлеба и десять тысяч голов скота.

Алексей Толстой пишет:

«Диктуя, он перелистывал стенограммы. За эти несколько дней в Царицыне все было поднято на ноги. Партийная конференция, с'езд профессиональных союзов, конференция заводских комитетов, чрезвычайные собрания с участием массовых организаций, митинги — следовали без перерыва. Оборона Царицына, казавшаяся до этого делом одного Царицына, поднималась на высоты обороны всей Советской республики.

Через сталинский вагон — на путях юго-восточного вокзала — проходили тысячи людей, воспринимая эту основную тему»...

Прошло всего несколько дней после приезда Сталина в Царицын. За эти несколько дней город неузнаваемо изменился. Введена государственная хлебная монополия; спекулянты спрятались; в деревню брошены партийцы; из Москвы затребованы орудия, броневики, винтовки, снаряды, авиация.

Генерал Носович и Ковалевский, вызванные для доклада о положении на фронте, напрасно пытаются ввести в заблуждение Сталина «сведениями» о якобы стотысячной армии, защищающей фронт от границ Воронежской области до Каспия. Сталин знает, что на самом деле царицынский фронт в катастрофическом положении: имеется всего лишь шесть тысяч человек под Царицыном, три тысячи гарнизона в городе и восемь пушек. Нехватает снарядов, нет патронов. С такими ничтожными силами Царицын должен выдержать наступление 40—50 тысяч сабель генерала Мамонтова.

Сталин отправляется в арсенал, на орудийный и машиностроительный завод «Баррикады», обходит цеха, собирает митинг рабочих, об'являя революцию в опасности и призывая всех поголовно, от мала до велика, взяться за оружие и перейти в наступление на белых.

...Героическими усилиями бойцов армии Ворошилова взорванный пролет моста через Дон восстановлен. Ворошилов переправляет все 60 эшелонов на левый берег Дона, встречая здесь броневик, высланный в его личное распоряжение Сталиным.

На левом берегу Дона, в пятидесяти верстах от Царицына развертывается новый фронт. Ворошилов выезжает в разведку на броневике. Машина застревает в громадной луже на хуторе, попадает в плен к казакам-белогвардейцам. Ворошилов запирается в броневике. Казаки впрягают волов, чтобы отвезти захваченный броневик, к атаману, вытаскивают машину на сухое место. Но внезапно заработал мотор, заговорил пулемет, расстреливая в упор белогвардейцев.

Ворошилов уже в вагоне Сталина в Царицыне. Великий стратег революции Сталин делает анализ положения на фронте; он ставит задачу покончить с неразберихой, сформировать из отрядов крупные соединения и подчинить их единому командованию, создав регулярную Красную армию. Сталин называет части, из которых надо сбить костяк новой армии и выдвигает Ворошилова командующим. В телеграмме к Ленину он просит об отозвании изменника Снесарева.

Сталин вместе с Ворошиловым выезжает из Царицына на бронепоезде на фронт. Изменники из штаба обороны Сев.-Кавказского фронта предупредили, очевидно, белогвардейцев о выходе бронепоезда. Первые две станции к приходу бронепоезда разгромлены белыми, на третьей только что взорваны пути — шпалы еще дымятся. Сталин и Ворошилов, беседуя, пешком идут на станцию. У Сталина в руках ореховая палочка, за плечами Ворошилова — карабин.

Наблюдая за коршуном, стремительно взмывающимся в небо, Сталин произносит «Когда-нибудь научимся строить такие самолеты».

Приставив к стене лестницу, Ворошилов поднимается на крышу вокзала покинутой станции и в бинокль осматривает местность. Сталин остается внизу. Белогвардейская засада, засевшая за холмом неподалеку в степи, открывает огонь по разрушенному зданию вокзала.

«Вниз, скорей, — крикнул Сталин» — пишет Алексей Толстой.

Сталин и Ворошилов спокойно возвращаются к бронепоезду. По пути Сталин, под обстрелом белогвардейцев, останавливается, зажигает спичку и хладнокровно закуривает трубку.

...Ворошилов в сальских степях. Здесь он впервые встречается с Буденным. В селе Мартыновке три тысячи красных осаждены войсками генерала Красильникова. Ворошилов и Буденный на рассвете в конном строю атакуют белогвардейцев и разбивают их наголову.

*

Началось генеральное наступление красновских генералов на Царицын. С аэроплана сыплются воззвания Мамонтова. Рабочие царицынских заводов идут на фронт. В промежутках между боями батрачка Агриппина учится грамоте.

Сердце обороны Царицына — в вагоне Сталина. Тысячи подвод тянутся к городу, хлеб течет в Москву, — угроза взять измором север миновала. Сталин спас пролетарские центры от голодной смерти.

По требованию Сталина, контрреволюционер Снесарев, военрук Северо-Кавказского фронта, отозван. Троцкий взбешен. И когда решением Сталина в Царицыне создается военный совет, Троцкий требует, чтобы Сталин ввел в совет агента белогвардейцев, изменника «военспеца» Ковалевского.

Сталин решает арестовать засевшую в штабе обороны Царицына контрреволюционную шайку. Генерал Носович бежит к Деникину. Его подручные, и в том числе Ковалевский, схвачены и расстреляны.

Мамонтов подступил к Царицыну. Кончаются последние снаряды и патроны. На отчаянные требования из Царицына прислать подмогу военный совет Троцкого отписывается издевательскими требованиями о высылке заявок, точного числа бойцов, наличия военного снаряжения, подсчета израсходованных сумм. Сталин вынужден послать в Москву за оружием специального уполномоченного.

От грохота орудий дребезжат стекла в Царицыне. Фронт, руководимый Сталиным и Ворошиловым, героически обороняется. И в этот момент приходит новая провокационная телеграмма Троцкого с требованием полного невмешательства в оперативные дела. Сталин собирает военный совет. Решено немедленно информировать ЦК партии большевиков об очередной провокации предателя Троцкого.

День 15 августа Сталин проводит в окопах на фронте, руководя посылкой резервов, подвозкой огнеприпасов и бронепоезда. Ворошилов на передовой линии огня, он дерется в цепях красных против мамонтовцев. На последних подступах к Царицыну белогвардейские полки Мамонтова получают сокрушительный отпор и бегут. Красная кавалерия преследует разбитых белогвардейцев, сбрасывая их в Дон.

Повесть Алексея Толстого заканчивается исторической телеграммой, посланной Сталиным Ленину:

«Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом. Противник разбит наголову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается. Нарком Сталин».

Краткое изложение повести «Хлеб» Алексея Толстого составил по авторским корректурным гранкам спецкорреспондент «Литературной газеты»

ЭЛЬ-РЕГИСТАН

Алексей Николаевич Толстой

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

С. Диковский «Патриоты», книга 11 «Нового мира»

В большом произведении С. Диковского «Патриоты» можно отыскать лишь одну маленькую сцену, в которой действующие лица говорят на высоких нотах. Это в первой главе, где сельский кузнец Никита Михайлович Корж, младший сын его, доброволец Красной Армии Павел и начальник погранотряда капитан Дубах осматривают место, где погиб в бою Андрей Корж, старший сын кузнеца, пулеметчик.

Жестокая боль ущемила сердце, и Никита Михайлович вдруг закричал «стариковским фальцетом», он обозвал своего спутника простоквашей и бабой, будто бы по той причине, что выправка его никуда не годилась.

«Он долго кричал, поминая крепким словом и Андрея и Павла, забыв, что сам привез сына на Дальний Восток. Рослый красноармеец пошатывался от взрывов яростного отцовского горя. Наконец он поймал отца за руки и грубовато сказал: «Давайте, папаша, успокоимся».

Больше таких сцен в повести нет. Лексика ее спокойна и сдержанна, иной раз величава, певуча и лишь кое-где отмечена легким возбуждением или тревогой, тут же взятыми в узду.

Написаны «Патриоты» мягко, ровно, спокойно. «Жили-были» — их общий тон. Жили-были два отряда, советский и японский. Жили-были красноармеец Корж и капитан Дубах, рядовой второго разряда Сато и поручик Амакасу. Два мира, два лагеря. Неизмеримая бездна разделяет их мысли и чувства, стимулы поведения, характер и направленность действий.

Может казаться, что автор разворачивает перед нами два параллельных очерка, две контрастных истории, совершенно самостоятельных и как будто ничем не связанных друг с другом, задавшись целью: методом простого сопоставления раскрыть дух бойцов Красной Армии, проникнутых высокой идеей освобождения человечества, героических защитников мирного социалистического труда, и дух безыдейных, нерассуждающих, тупых от муштры, ограниченных солдат армии японского империализма.

... Сато был крайне молчалив и забит. Он был почтителен от рабского страха даже перед деревенскими писцами и «молчал даже в праздничные дни, когда теплое сакэ развязывает солдатские языки». Существовала лишь единственная тема, способная оживить Сато, сделать его веселым и общительным, — это цены на сельдь. В армии над ним издеваются. Солдаты учатся русскому языку по учебнику майора Цугияма. Они заучивают наизусть «разговоры» с пленным, почтальоном, с девушкой, мальчиком, стариком.

«— Куда вы шел?.. Не сметь молчать!.. Сколько есть пуриметов вашем полку?..»

Русский язык очень труден, и упражнения в «разговорах» просто опасны: одному солдату пришлось ампутировать язык, бедняга вывихнул его на четвертом упражнении.

Так шутят, издеваясь над простотой и доверчивостью Сато. Как у него самого обстоит дело после первого урока? Пусть раскроет рот и высунет язык. Шире, пожалуйста, шире! Простачок послушен.

«...Так и есть... он скрутился, как штопор... И шутник сразмаху ударил Сато в подбородок».

Прикушенный язык вызвал общее оживление.

... Молодой человек прибыл в отряд «прямо со знаменитой стройки II...». Он назвал себя с достоинством:

— Корж.

И несколько даже обиделся, когда выяснилось, что командир не слышал о нем.

Весь в масляных брызгах — белых, зеленых, голубых, желтых — бригадир маляров и штукатуров Андрей Корж чувствовал себя именитым человеком, ибо много величественных мостов, много замечательных домов, много первоклассных теплоходов выкрасил он в свои двадцать два года. Он побывал также на многих социалистических стройках, и слава их — его слава.

Корж получает сапоги, шинель и винтовку. Бригадир маляров становится красноармейцем пограничного отряда. Вместе с сотнями своих новых товарищей красноармеец Корж с истинным воодушевлением учится военному искусству. На социалистических стройках он был великолепным маляром. В погранотряде он стал отличным красноармейцем. Откуда эта страсть, это яркое горение души, это неукротимое стремление всегда раскрываться во всей своей полноте? Как назвать эту чудесную силу?

«Красный патриотизм» — назвал ее однажды капитан Дубах, но остался недоволен: получалось громоздко, неуклюже и не совсем точно. «Правда» пришла на помощь. «Правда» назвала одно только слово — короткое и исчерпывающее: родина.

В чувстве родины, в беспредельной любви к ней, в готовности жертвовать по капле кровь свою ради славы великой родины, — вот где кроется первопричина и первоисточник всех чудес, совершаемых изо дня в день на советской земле.

Капитан Дубах стал вести «Книгу героев», он начал вырезать из газет и журналов все заметки и статьи, в которых говорилось о подвигах советских людей — парашютистов, лыжников, летчиков, врачей, чабанов, танкистов, актеров, пограничников, пожарных, академиков. «Книгу» эту читали на политзанятиях. «Дубах гордился затеей. Он всерьез уверял коменданта участка, что с тех пор, как появилась «Книга героев», у всех стрелков пули стали ложиться заметно кучнее, чем прежде».

... В Манчжу-Го, казалось, нет больше населения. Куда бы ни пришел на стоянку отряд поручика Амакасу, улицы оказывались пусты, окна хижин без огней. Приходилось искать людей. «В холодных фанзах можно было встретить только женщин, стариков и детей. Неизвестно, на что они надеялись, чем питались: котлы были пусты, в очагах лежал пепел».

Ненавистью, скрытой злобой помечены лица прячущихся жителей «осчастливленного» японской дружбой Манчжу-Го. Руки стариков и женщин были слишком слабы, чтобы задушить ночью ненавистных врагов. Старики и женщины смотрели на них молча, «но взгляды выдавали желание» уничтожить их.

«Однажды Сато слышал, как господин фельдфебель, выходя из фанзы, сказал: — Лучше бы эти ведьмы ругались».

... Пограничный колхоз имени Семена Буденного готовился к октябрьскому празднику. Красноармейцы должны были прибыть к колхозникам в гости. Во всех хатах трещала в печах солома, люди жарили сало, готовили закуску и выпивку, доставали заветные ручники, яркие, расшитые, вывезенные из тех далеких мест, где цветут вишни. В каждой хате на лавках стояли, прикрытые ручниками, пироги с грушами, сливами, голубицей, грибами, дикими яблоками... Гости прибыли. Все село с восхищением и гордостью наблюдало за лихой джигитовкой всадников, за ослепительной рубкой лозы на бешеном скаку. Потом начались совместные песни и пляски.

Корж и тут проявил себя во всей красе. «Казак вятской, из семьи хватской, станицы Пермяцкой, сын тамбовского атамана, отставной есаул войска калужского» — он блеснул перед колхозниками невиданной ловкостью. Два клинка сверкали в его руках, он мчался, бросив повод и приподнявшись на стременах. Лицо его, всегда веселое и озорное, стало в эту минуту грозным. Казалось, он только примеривается, а уж лозы справа и слева оседали наземь под молниеносными его ударами. Потом он пел частушки, полные яда и веселья. Он пел и плясал в желанном кругу дружбы.

Так следуют глава за главой, очерк за очерком, в которых повествуется о житье-бытье двух отрядов. Автор перебрасывает своего читателя из мира в мир, из лагеря в лагерь. Резко противоположные по духу, по мыслям, по устремлениям, два эти мира несовместимы и непримиримы. Но авантюризм — главная движущая пружина действий поручика Амакасу. Этому качеству его мы обязаны тем, что два различных мира пришли все же в соприкосновение, две параллельно развивающиеся истории связались в единый узел, возник конфликт, — широко развернутый очерк вдруг превратился в большую драматическую повесть, и загремели выстрелы, и пулеметы, содрогаясь от ярости и нетерпения, пожирали ленту за лентой. Положительные и отрицательные заряды огромной мощи, соприкоснувшись, родили молнии и вспышки. Началась героическая борьба на заставе нескольких красноармейцев из отряда капитана Дубаха, нескольких воодушевленных патриотов своей великой родины, со всей массой муштрованных поручиком Амакасу японских солдат, нерассуждающих исполнителей воли японских авантюристов, убийц и насильников.

В последних главах — с того мига, как по эфиру над Дальним Востоком пронеслась странная метеорологическая сводка, передано было условное распоряжение: «В Минске идет снег... два эскадрона к Минску галопом!» — автору уже не приходится жонглировать вниманием читателя, рассказывая то об одном, то о другом отряде, разделенных границей; оба отряда действуют, проявляя свои особенности и качества уже в одних и тех же главах.

Четыре часа продолжалась неравная борьба, пока к «Минску» поспели эскадроны маневренной группы. Андрей Корж, славный пулеметчик, шесть раз отражал атаки противника. Он защищал сопку до последнего вздоха, чувствуя за собой родину. Он действовал во славу ее, лежа на каменистой почве и, припав к «максиму» с тем же ярким, неугасимым, никогда неослабевающим чувством воодушевления и долга, с каким работал на мирных лесах новостроек и учился боевому искусству на стрельбищах и политзанятиях в погранотряде. Пулемет его еще действовал в тот миг, когда он произнес свое последнее слово...

Сато подбирался к сопке, готовя гранату, с единственной мыслью: «Хочу быть убитым, хочу быть убитым», ибо «суеверный, как все крестьяне», он думал, что смерть не приходит к тому, кто ее призывает. А смерть все же пришла, — Сато был разорван собственной гранатой. Сато погиб, даже не задумавшись над целями борьбы...

А в это время во всем остальном Приморье было спокойно. «В полях возле Черниговки гремели молотилки. Посьетские рыбаки уходили в море, поругивая морозец... Летчик почтового самолета видел огненное дыхание десятков паровозов. Шли поезда, груженые нефтью, мариупольской сталью, ташкентским виноградом, учебниками, московскими автомобилями. В 60 километрах от места перестрелки рыбак плыл по озеру в поселок за чаем, вез белок, вспугивал веслами глупую рыбу и пел, радуясь тишине осеннего утра».

Вот таким спокойным, сдержанным языком написана вся эта повесть о высоких чувствах, о пафосе, о героических буднях на границе, о мужестве, о славе, о любви к родине. Только в ту единственную минуту, когда коснулась сердца жестокая боль, вызванная мыслью о невознаградимой утрате, об утере любимого сына Никиты Михайловича Коржа и неоценимого сына нашей родины — только тогда, один единственный раз, из-под пера автора, патриота, пишущего книгу о патриотах, вырвались слова ярости и неудержимого горя, персонажи его заговорили языком бури.

С. Диковский кажется невозмутимым во всех остальных главах. Он почти не выдает своего волнения даже в высоко драматических сценах, даже в часы ожесточенной схватки своих друзей с врагами, даже в минуту гибели любимого героя, одного из бесчисленных «рядовых» героев нашей прекрасной родины.

И в этом спокойствии — сила. В этом эпическом, сдержанном тоне повествования — секрет большого эмоционального воздействия на читателя.

А. ЭРЛИХ

Новый перевод Гомера

Беседа с В. В. Вересаевым

В. В. Вересаев занят большой и интересной работой: переводом «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Любовь к гениальному греческому поэту, желание дать советской литературе гомеровские поэмы в переводе, передающем художественную мощь, жизнерадостность, боевой дух поэзии Гомера, побудили Вересаева взяться за осуществление давнишнего его замысла.

Перевод «Илиады» Гнедича писатель считает одним из лучших в мировой литературе. Но церковно-славянский язык делает его малодоступным, снижая и его художественную ценность.

Текст Гнедича изобилует не только такими архаизмами, как «паки», «дщерь», «рек», «зане», но и совсем непонятными без специального словаря словами, как «скимен» (лев), «сулица» (копье), «глёзна» (бедро) и т. п.

— Я ставлю перед собой задачу, — говорит В. В. Вересаев, — переработать в этом смысле перевод Гнедича, сохранив в нем все полноценно-художественное.

Перевод Жуковского «Одиссеи» нуждается в еще более серьезной переработке.

Высокохудожественная форма, хороший русский язык скрывают по существу христианско-романтическую фальсификацию Гомера.

Мужественность стиха Гомера чужда сентиментальной поэзии Жуковского, и понятно поэтому, что христианская терминология переводчика отдаляет дух и смысл подлинника.

«Многостойкий» у Гомера Жуковский переводит, как «многотерпеливый», «старуха» превращается в «добрую старушку» и т. д.

У Вересаева есть уже опыт греческих переводов. В 1918 году писатель получил от Государственной академии наук за перевод поэм Гесиода «О происхождении богов» и «Работы и дни» полную пушкинскую премию.

Перевод «Илиады» и «Одиссеи» — длительная, сложная и кропотливая работа. В течение года Вересаев перевел всего восемь песен из «Илиады» и одну песню из «Одиссеи».

Полный перевод двух бессмертных поэм займет примерно около пяти лет.

Театр—Кино—Музыка—Живопись

Замечательный спектакль

«Человек с ружьем» Н. Погодина в театре им. Вахтангова

Спектакль «Человек с ружьем» начинается со сцены в окопе, куда проникает «Солдатская правда». Иван Шадрин, мужик в серой шинели, четыре года не вылезающий из окопов, мечтает только об одном: вернуться домой, к своему двору, где гибнет и без того жалкое, нищее его хозяйство.

Простые, понятные и горячие слова большевистской газеты вызывают в сознании Ивана Шадрина первые проблески революционных идей.

В конце пьесы Шадрин — командир большевистского отряда, имеющий за собой не только фронтовой, но и революционный опыт.

Путь, по которому ведет своего героя Погодин, разнообразен и содержателен. Окопы, Петроград, особняк миллионера Сибирцева, Смольный, встреча с Лениным, замечательная, доходящая до высокой степени драматизма сцена солдатского братания, бой с юнкерами и множество других картин, воспроизводящих предоктябрьские и октябрьские дни 1917 года, проходят перед зрителем широкой исторической панорамой.

Захваченный стихией революции, Иван Шадрин в огне ее боев крепнет умом и волей, поднимается все выше и выше, с каждым шагом расширяя свой горизонт. Первая стычка с офицером в окопе, большевистская газета, дружба с питерским рабочим Чибисовым, решающий разговор с Лениным, эпизод братания, в котором «человек с ружьем», рискуя своей жизнью, несет ленинскую правду во вражеские окопы к своим заблуждающимся братьям, и, наконец, командование революционным отрядом, — все эти моменты из жизни Шадрина настолько естественно и закономерно следуют друг за другом, что к концу пьесы уже трудно вспомнить забитого мужичка, не желающего ни о чем, кроме своего двора, ни говорить, ни слушать, ни думать.

Революция увлекает Шадрина своей борьбой, она подталкивает его, заставляет действовать, драться, принимать решения быстрее, чем это ему свойственно. Она возлагает на него ответственные поручения. Шадрин подгоняет себя, чтобы не отстать от передовых товарищей, чтобы не отстать от революции. Он становится все более расторопным, складным, активным. Но в самые горячие моменты Шадрин неожиданно сталкивается со своей любимой женой Надей,

Народный артист СССР Б. В. Щукин в роли Ленина.
Рисунок А. Костомолоцкого.

■ ■ ■

измученной многолетним ожиданием мужа и борьбой за существование. Ее просительный, покорный взгляд зовет Шадрина домой, ко двору, и Шадрин на ходу, впопыхах, не находя слов, об'ясняется с Надей под призывные крики товарищей. Артисты Толчанов и Алексеева — прекрасные исполнители этих ролей — замечательно играют все сцены встреч Шадрина с женой. Своей игрой они вызывают огромное сочувствие и любовь зрителя к этим людям из народа, у которых много чувств и мало слов, которые так сдержанны, так целомудренны в своих отношениях. Они любят друг друга большой, настоящей человеческой любовью, они хотят жить вместе счастливой жизнью, но право на такую жизнь можно завоевать только в боях революции. Это уже понял Шадрин, и Надя, ничего не понимая, но чувствуя сердцем, что муж ее прав и неудержим в своей новой страсти, отпускает его на волю.

Много теплоты, смущения, неловкого молчания, трогательных, смешных слов и движений в этих сценах. Зритель искренне смеется при каждой встрече Шадрина с наивной, неуклюжей и хорошей его женой, несмотря на то, что в сценах этих печального не меньше, чем смешного. Он смеется легко и радостно, так как знает, что в нашей стране жизнь этих людей уже устроена, что никакие Сибирцевы им уже не страшны.

Два слова о Сибирцевых.

Семья миллионера показана в первом акте, после чего она бесследно исчезает. Наивный бездельник сын, строптивая барыня, капризная и властная старуха свекровь, с любимым котом которой возится весь дом,— вот персонажи и характеристики, на которые уходит добрая половина первого акта. Для пьесы о революции — мелкая, неглубокая характеристика собственников, мелкая возня. Повидимому, Погодин очень неохотно включал в свою пьесу Сибирцевых и рассматривал их лишь как принудительный ассортимент. Он попросту не знал, что ему с ними делать. Он не знает их и тяготится необходимостью их изображать.

В некоторых прежних пьесах Николая Погодина отрицательные герои мгновенно перерождались, после чего драматург доверчиво протягивал им руку. Теперь же, убедившись, повидимому, в неискренности своих старых героев, Погодин не поддается на обман, и поэтому им приходится выполнить второе требование автора, т. е. исчезнуть.

Так пропали без вести показавшиеся в первом акте Сибирцевы.

Зато Погодин сразу обретает художественную силу и выразительность, когда он изображает людей из народа. Так называемая «серая толпа» у Погодина всегда очень красочна. В «Человеке с ружьем» особенно хороши все солдатские сцены, которые наряду со сценами, в которых участвует Ленин, являются самыми содержательными, самыми значительными в спектакле.

Образ Ленина в исполнении одного из величайших артистов нашего времени Б. Щукина — большое событие советского искусства.

Из первых попыток дать в драматическом произведении образ Ленина наибольшей удачи добились пока Каплер (автор сценария «Ленин в Октябре») и Погодин. Конечно, пред нами только первые штрихи, только первые меткие зарисовки еще не написанного огромного полотна, в котором великий вождь человечества предстанет во всей своей неизмеримой глубине и силе.

Первые сценические зарисовки образа Ленина хороши в том отношении, что в них уже намечается сочетание величия, огромной жизнедеятельности, непреклонной воли, душевной простоты и чуткости политического вождя. В «Человеке с ружьем» эти черты удачно выражены в сценах встречи Ленина с Шадриным, с комиссаром по топливу и с меньшевиками.

Величие и простота при изображении политических вождей почти всегда возникали перед художниками как дилемма. Большей частью они впадали в одну из крайностей и давали либо напыщенный, ходульный образ вождя, либо сниженный и измельченный.

Величие и простота истинно великих людей неразлучны. Простота — спутник гениальности. Она — естественная форма, в которой проявляет себя гениальный дух человека.

У Погодина хватило тонкости и такта для того, чтобы показать простоту вождя не в его частной жизни и не в его бытовом приравнении к рядовым людям, а в той сфере его деятельности, которая является темой художественного произведения.

Щукин прекрасно передал и даже обогатил своим исполнением замыслы драматургов, но перед артистом стояла еще и особая задача, в выполнении которой он был предоставлен самому себе, не получая от автора пьесы никакой помощи. Мы имеем в виду физический облик Ленина, который Щукин, благодаря тому, что живой Ленин еще жив в памяти миллионов современников, должен был передать с максимальной точностью. В этом отношении наш выдающийся народный артист показал непревзойденную, виртуозную тонкость мастерства. Он уловил осанку Ленина, его особую манеру говорить, двигаться, слушать, его характерные позы, он нашел нужный грим без лепки, сохранив таким образом всю эластичность своей мимики. Нельзя без чувства благодарности вообразить, какую скрупулезную работу по изучению и воспроизведению черт Ленина проделал Щукин, с какой любовью и неутомимостью должен был он трудиться, чтобы добиться таких поразительных результатов.

У нас есть свое представление о внешности Ленина. Но Щукин никого не оставляет неудовлетворенным.

В образе, созданном Щукиным, достигнута такая гармоническая цельность, такая координированность движений, жестов, взгляда и голоса, какая может быть достигнута только самой природой, когда внешние черты и проявления человека сживаются друг с другом в течение всей его жизни. Вот почему зрителям, не видевшим живого Ленина, образ, созданный Щукиным, кажется единственным и неповторимым, кажется, что Ленин не мог быть иным.

В этом огромная победа артиста.

Своим успехом юбилейный спектакль театра Вахтангова в очень большой мере обязан также постановщику спектакля Р. Симонову и художнику В. Дмитриеву.

Дымчатый Петроград, набережная и Смольный ночного Питера, небо северной столицы — все это передано художником с большим вкусом и настроением.

Симонов, великолепно чувствуя сцену, широко выходит за пределы погодинского текста. Он расширяет партитуру спектакля. Гул революции, ее огромный заразительный пафос, ее тревога и напряжение замечательно переданы постановщиком спектакля в шуме и суете коридоров Смольного, в непотухающей, возбужденной жизни толпы у фасада Смольного, где треск костров и щелкающих затворов смешивается с многолюдным шумом, выкриками, приветствиями и торжественной медью оркестров. Хороши также пантомимические сцены боя и бегства юнкеров, сопровождаемые очень выразительной и волнующей музыкой А. Голубенцева.

«Человек с ружьем» — это спектакль о революции, о вожде народов Ленине, о братстве рабочих и крестьян, о гуманизме социалистической революции. Теперь уже не надо бояться человека с ружьем. Он защищает не Российскую империю и не Сибирцевых, а народ, родину. Он—друг и товарищ. Эта мысль проходит через весь спектакль. Она проскальзывает уже в сцене, когда Шадрин, подбирая себе помощников из прислуги Сибирцевых, подает стул старой женщине. Она звучит в кульминационной по драматизму сцене братания. Она образно выражена в заключающей спектакль знаменитой речи Ленина.

Этот большой, волнующий спектакль доставляет зрителям истинное наслаждение. В нем и богатство жизни и богатство театра. Масштабы событий, суровость эпохи и напряженность борьбы — все это вахтанговцам удалось сочетать с легкостью и живостью настоящего театрального искусства. Театр глубоко прочувствовал тему и эпоху, изображенные в пьесе Погодина, и сумел передать свои чувства в великолепных сценических образах.

А. ГУРВИЧ

■ ■ ■

Иван Шадрин (заслуженный артист республики И. Толчанов) и его жена (артистка Е. Алексеева)

(Союзфото)

■ ■ ■

Матрос Цымов (заслуженный артист республики А. Горюнов) и жена Шадрина (артистка Е. Алексеева)

(Союзфото)

О «ПРОСТОЙ ДЕВУШКЕ»

Пьеса В. Шкваркина в Московском театре сатиры

Одного старого водевилиста, мастера этого веселого ремесла, спросили: «Что по вашему самое страшное в жизни?»

Старый водевилист ответил:

— Самое страшное—это, когда второй акт твоего смешного водевиля проходит при гробовом молчании публики.

В. Шкваркин всеми данными своего таланта застрахован от самой страшной опасности, подстерегающей комедийных драматургов на их творческом пути. Его комедии смешны, легки, весьма сценичны и доходчивы.

«Простая девушка» не составляет исключения из общего правила. Зритель принимает спектакль хорошо. Это факт, с которым нельзя не считаться.

Но попробуем разобраться, почему смеется зритель на спектакле «Простая девушка».

Может быть, он видит на сцене новые, еще невиданные комедийные характеры?

Нет! Это все тот же неизменный, неистребимый управдом, мелкий человечек, смешная инфузория. Та же квартирная дамочка, сплетница и сводня. Тот же восторженно-влюбленный молодой человек в крагах, не успевший «культурно подковаться». И та же очаровательная девушка спортсменского типа, этакая советская Артемида, утверждающая новое в старой коммунальной квартире.

Уже не раз брал В. Шкваркин своих излюбленных героев, и, перемешав, бросал на сцену, как кости,—каждый раз в новых ситуациях и сюжетных положениях. И каждый раз в талантливом исполнении отличных актеров Театра сатиры они оживали и смешили зрителя.

Но разве не видит зритель, что перед ним в «Простой девушке» действуют все те же, набившие оскомину, персонажи? Конечно, видит! Ведь чета Макаровых из «Простой девушки» (П. Поль и Е. Милютина) похожи на отца и мать из «Чужого ребенка», а смешные излияния шофера Застрелихина (И. Зенин) мы уже слышали — в другой редакции — из уст зубного техника из того же «Чужого ребенка».

Однако зритель прощает Шкваркину эту повторяемость потому, что не берет его героев всерьез. Он не задумывается над вопросом, достоин ли Ювеналова бича управдом Макаров или недостоин. Зритель принимает Макарова как водевильного героя, который действует смешно. За водевильную легкость интриги, за мастерство сюжета советский зритель любит Шкваркина и прощает ему многое.

Но возникает вопрос — что же делать дальше, после «Простой девушки»? Неужели опять браться за управдома? Нет! Сам Шкваркин, повидимому, понимает, что «Простая девушка» как-то замыкает определенный этап в его творчестве. Дальше испытывать хорошие чувства умного и доброго советского зрителя не стоит. Если Шкваркин хочет расти как комедийный драматург, он должен вырваться из тесных стен коммунальной квартирки и по-новому показать зрителю новые комедийные характеры — и положительные и отрицательные.

Если же он захочет поднять и разрешить проблему советского водевиля, что на наш взгляд является задачей благородной и весьма достойной, то ведь надо помнить, что водевиль обязан быть злободневным. Вряд ли «недоперековавшийся» управдом может быть признан злободневной фигурой!

Поставлена и разыграна «Простая девушка» в Театре сатиры весело и хорошо. Постановщик (заслуженный артист-орденоносец Станицын) нашел для пьесы Шкваркина прекрасный ритм и яркие краски. Актеры (Поль, Милютина, Зенин, Зверева, Кара-Дмитриев и др.) играют свои привычные роли, как всегда, хорошо, но лишь один Хенкин (Кашкин) нашел новые для себя черточки, интонации и манеры. Вылепленный им образ старого ворчуна-холостяка, пожалуй, самый жизненный из всех фигур, действующих на сцене.

Особо нужно отметить талантливую работу молодой художницы Елены Коркиной. Она показала хороший вкус, интересную выдумку и остроумную изобретательность. Удивительно, как мог критик «Советского искусства» т. Эрманс, посвятивший спектаклю весьма кислую рецензию, не только не заметить работы постановщика и художника, но даже не назвать имени последней.

Впрочем, в постскриптуме он упоминает о постановщике и художнице.

«Вы прозевали самый интересный момент, — укоряла в раздевалке свою подругу раскрасневшаяся девушка, — сейчас и зрители и участники спектакля чествовали постановщика, художника и автора. Станицын стоял с цветами и фруктами, как опереточный жрец, просто прелесть.

Когда наконец перестанут забавлять публику этими семейными чествованиями, без которых не обходится ни одна премьера».

Мы думаем, что, прочтя этот постскриптум критика Эрманса, девушка из раздевалки покраснеет еще больше. Ей станет неловко за рецензента, который придал ее невинным восторгам столь ядовитый смысл. Неудобно «Советскому искусству» писать о работниках искусства в тонах пошловатой, закулисной сплетни.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ЖУКИ

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

В старые времена любители бегов и скачек хорошо знали эту фигуру. Небритый суб'ект в котелке, с неизменным зонтиком на случай ненастья, располагался в толпе игроков, занимал удобную позицию и, приложив руку ко рту, начинал шептать:

— «Центурион»! «Центурион»! классная лошадь, должна притти. Вот увидите, хоть три билета ставьте, не прогадаете.

Минуту спустя, он менял диспозицию и, приспособившись около другого простачка, нашептывал:

— «Смазливый»! Ставьте на «Смазливого»! Какая лошадь! Еще как придет!

Минута — и эта же личность оказывалась рядом с вами:

— «Хлоя», «Хлоя»... Никто как «Хлоя» придет, как миленькая, — отвечаю.

Наконец он возникал у кассы и шептал под руку другому игроку:

— «Полишинель», «Полишинель» — абсолютный верняк! Деньги дома — будьте у Верочки.

Одна из четырех приходила первой, и тогда жучок возникал у кассы, рядом с жертвой, с лицом, выражающим деловитость и решительность:

— Доля, доля, доля... Деньги на бочку.

— То есть как? — спрашивал изумленный игрок. — За что?

Жук надвигался на простака и угрожающе шептал:

— Дурака не валяйте. Кто вам говорил: ставьте на «Хлою»? Я говорил! Будьте любезны. Я за мою трешку голову оторву!

Отплевываясь и шипя, игрок отслюнивал трешку, и жучок исчезал. Надо вам сказать, что он-то играл наверняка. Одна из четырех лошадей обязательно приходила первой. Так что жучок всегда был в выигрыше.

Этот давно забытый способ наживы приходит в голову современнику и в наши дни.

Беговой жучок давно переквалифицировался. Из всех полезных профессий он выбрал профессию киносценариста.

Жучок пишет манускрипт, называющийся на языке кино «тематической заявкой».

«Заявка» имеет следующий вид:

«Предлагаю заказать мне сценарий на тему о стахановцах стеклодувной промышленности...»

«Предлагаю творческому коллективу вашей кинофабрики принять к постановке мой сценарий под названием «Обрыв» Гончарова на тему любви среди приволжских помещиков с параллельно показанным бытом крепостных, а также оскудением дворянства и выдвижением на историческую арену буржуазных классов».

Оставляется чистое место для того, чтобы вписать название киноорганизации и магические слова: «зарегистрировано в Управлении авторских прав».

Допустим, через пять лет какой-нибудь киноорганизации придет в голову поставить «Обрыв» Гончарова. Тут-то и появляется жучок и пред'являет свои «авторские» права. Помахивая тематической заявкой на гончаровский «Обрыв», он идет в Управление по охране авторских прав.

Это не анекдот, а факт.

С классиками дело обстоит благополучно, классики — всенародное достояние. Потому жучок предпочитает работать на современном материале.

В один прекрасный день киноорганизация (одна или все, каждая порознь) получает документ, называемый, как сказано выше, «заявкой».

«Предлагаю заказать мне сценарий на тему о стахановцах стеклодувной промышленности...»

«Я намерен показать в данном сценарии пролетария-стахановца, преодолевающего инертность и косность отсталого мастера, переплетающегося темой о бдительности, а также борьбу с вредительством, раскрытым посредством организованной воли масс, идущих к перевыполнению плана в такой-то (следует название) промышленности».

И внизу обязательно: «Зарегистрировано в Управлении по охране авторских прав».

Теперь вообразите, что киноорганизация действительно заказывает сценарий и притом не жучку, а известному стране квалифицированному литератору, и он действительно пишет сценарий на материале, скажем, стеклодувной промышленности. Весть об этом попадает в печать. Тут же, как из-под земли, вырастает жучок.

Удивительное дело: не существует тематических заявок на романы, пьесы, научные труды, и никто их не регистрирует. А на сценарии почему-то существуют. До сих пор считается, что сценарий не литература, а что-то вроде доходного промысла. Такой взгляд на сценарии установили наши кинофабрики, позволявшие кому угодно орудовать со сценариями, написанными квалифицированными литераторами.

И потому, когда жучок пред'являет свои мифические авторские права, известный и признанный литератор принужден доказывать, что он в глаза не видал жучка и его тематической заявки, что он сам в состоянии придумать сюжет и долго изучал материал по первоисточникам.

Но жучку все равно. У него тематическая заявка, у него зарегистрировано «преодоление отсталости, переплетающееся с волей масс»...

Происходит спекуляция на выдвижении молодняка. Матерой, многоопытный жук выдает себя за пришедшего в литературу нового человека, которого кто-то затирает. Расталкивая локтями народ, он лезет не столько к славе, сколько к кассе.

А Управление по охране авторских прав занимается тем, что облегчает жуку возможность залезать в карман государства и в чужой карман.

Работники этого Управления должны понять, что нельзя механически регистрировать бумажки. Надо научиться разбираться в бумажках, а главное — в людях, надо знать, с кем имеешь дело, надо защищать интересы авторов, а не литературных арапов. Надо добиться того, чтобы мнение Управления авторских прав уважалось советским судом, и это отобьет охоту у жуков желание заниматься сутяжничеством.

Л. НИКУЛИН

Декада советской музыки

С большим успехом проходит в Москве декада советской музыки.

В концертных залах Консерватории и Дома ученых, в Колонном зале Дома Союзов, в клубах пролетарской столицы даются вечера советских композиторов при участии крупнейших артистов Москвы.

Впервые были исполнены на этих вечерах вокальные произведения, написанные советскими композиторами к двадцатой годовщине Октябрьской революции. Среди них — «Песня о Сталине» И. Дунаевского, «Песня о Сталине» Н. Чемберджи (стихи Али Абрагима Сафарова), «Родина радости» А. Гедике (стихи А. Суркова), «Кантата к 20-летию Октября» С. Василенко (стихи В. Лебедева-Кумача) и другие.

В первый раз исполнялись также: Второй концерт Сергея Прокофьева для скрипки с оркестром и Третья симфония Н. Иванова-Радкевича.

22 ноября в Большом зале Консерватории состоялся симфонический концерт из произведений украинских советских композиторов. На этом концерте москвичи впервые услышали отрывки из оперы «Щорс» Б. Лятошинского, две части из второй симфонии Л. Ревуцкого и его концерт для фортепиано, исполненный лауреатом Шопеновского конкурса в Варшаве А. Луфером.

В программу состоявшегося 23 ноября в Большом зале Консерватории концерта народной артистки СССР В. В. Барсовой были включены произведения композиторов 11 Союзных Республик.

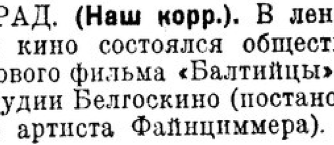
Декада советской музыки в Москве закончится 30 ноября.

Просмотр фильма «Балтийцы»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В ленинградском Доме кино состоялся общественный просмотр нового фильма «Балтийцы» ленинградской студии Белгоскино (постановка заслуженного артиста Файнциммера).

Просмотр картины о героизме и мужестве моряков Краснознаменного Балтийского Флота прошел с большим успехом.

Среди зрителей находился командующий Краснознаменным Балтийским Флотом, флагман 2-го ранга тов. Исаков — кандидат в депутаты Совета Союза от Приморского избирательного округа.

Выставка грузинского искусства

Недавно открывшаяся в Государственной Третьяковской галлерее выставка произведений искусства Грузинской ССР — живописи, графики и скульптуры — делится на две части: современную и историческую.

Первая представляет исключительно большой общественный интерес. Она почти целиком посвящена биографии товарища Сталина: его детству, его родному городу Гори, ранним годам его жизни, связанным с подпольной работой и революционной борьбой в Закавказье, пребыванием его в ссылке и всем последующим этапам славного пути. Эта часть выставки — пример того, к каким результатам может привести правильно организованная коллективная работа художников. Коллектив подымет на плечи то, что не под силу никакому индивидуальному дарованию. Работа группы грузинских художников, представленной на выставке, — это смелая, последовательная и добросовестная попытка запечатлеть в живописи целую эпопею.

В первом же зале выставки бросается в глаза большой, во весь рост портрет товарища Сталина, работы художника Джапаридзе. По теплоте колорита и спокойному благородству лепки — это один из лучших портретов товарища Сталина.

В том же зале интересный портрет Ладо Кецховели худ. К. Кикнадзе.

Во втором зале — ряд полотен, изображающих дом в городе Гори, где родился товарищ Сталин, духовное училище, где он учился. Среди больших полотен останавливает на себе внимание работа Джапаридзе «Товарищ Сталин, Ладо Кецховели и А. Цулукидзе». Реалистичнее картина художника В. Кротова «Товарищ Сталин — организатор рабочих с.-д. кружков в Тбилиси».

Еще одна значительная картина в том же зале — «Беседа товарища Сталина с крестьянами Аджарии» (художник А. Кутателадзе). На фоне холодной зеленой морской дали хорошо написаны и вылеплены фигуры, особенно одна из них, слева, в мохнатой бурке. В центре—молодой Сталин с прекрасным открытым лицом. Это одно из лучших изображений его юношеского облика. Ветер, вздувающий подолы и башлыки, откидывающий назад волосы, — этот осенний норд-ост, — является по праву действующим лицом этой живой сцены.

Следующий, третий по счету, зал тематически очень разнообразен. В основном он посвящен батумскому периоду жизни товарища Сталина. Здесь выделяются картины Кутателадзе («Батумская демонстрация, организованная товарищем Сталиным»), Мариаши («Товарищ Сталин в ссылке»). В четвертом зале — картины, связанные с бакинским периодом работы товарища Сталина. Художник В. Сидамон-Эристави изображает товарища Сталина на митинге среди бакинских нефтяников. Фигура вождя и окружающая его пестрая, разноязыкая толпа рабочих сделаны несколько условно. Здесь можно было добиться большего драматизма, большей динамики и величия. Зато превосходно передан ненастный перламутровый колорит Черного города.

Наконец, две картины, связанные уже с нашими днями. Они принадлежат к числу лучших украшений выставки.

Первая из них — работа героя труда, художника-орденоносца М. И. Тоидзе «Товарищ Сталин беседует с крестьянами в Цхалтубо». Картина полна живости и блеска. Композиционно она проста, правдива и в то же время монументальна. Это — настоящий юг, горячий, оранжево-желтый юг, со всей глубиной тонов, заставляющих вспомнить лучшие традиции Ренессанса. В картине все сердечно, тепло, выразительно. Прекрасен облик товарища Сталина, прекрасны стоящая рядом девочка, и рассказывающий что-то старик, и все остальные фигуры в разнообразных поворотах, и справа от зрителя — товарищ Берия с номером «Правды». Прекрасен пейзаж, маленькие белые домики курорта и за ними зеленые холмы Имеретии.

Вторая картина художника И. М. Тоидзе — «Товарищ Сталин на Рионгэсе» — столь же выразительна в смысле сочетания фигур и пейзажа. Фигуры написаны и вылеплены превосходно. Благодаря удачно выбранной точке зрения (снизу) горизонт необычно опущен, и фигуры как бы вырастают, упираясь в небо. И группа рабочих, оживленно беседующих с товарищем Сталиным, и сам он, улыбающийся, в белом кителе, и нарядная речная пена, бьющаяся в белые дамбы гидростанции,—все это человечно и празднично. Хотелось бы поскорее увидеть размноженными эти две картины. Их цветные копии явятся желанным украшением в каждом клубе.

Хочется отметить еще одну картину И. М. Тоидзе «Лампочка Ильича», картину остроумную по композиции с прекрасно поставленными и написанными фигурами. Необходимо отметить также содержательные и характерные портреты работы художников Ш. Бериташвили и Д. Гвелисиани.

В отделе скульптуры выделяется мраморный бюст товарища Сталина работы К. Мерабишвили.

Среди графических работ следует отметить ряд картонов художницы Тамары Абакелия. Ее сангины уже несколько лет известны нам по книжным иллюстрациям. На выставке она представлена несколько случайно. Жалко, что нет ее смелых и своеобразных иллюстраций к поэме Руставели.

Вторая часть выставки посвящена древнему и дореволюционному искусству грузинского народа. Экспонаты древнего искусства, главным образом, копии, заслуживали бы отдельного обзора специалиста. Мне довелось два года тому назад видеть подлинную мозаику монастыря в Гелати,— одну из древнейших в мире. По золотому блеску и сохранности она может сравниться с мозаикой Софийского собора в Киеве. Копии, выставленные сейчас в Москве, удачно ее передают.

В отделе дореволюционного искусства интересны и содержательны работы народного художника Грузии Г. Габашвили. Это характерная реалистическая портретная живопись, без большой психологической глубины, но твердая и точная.

Очень интересны старые работы М. И. Тоидзе. К сожалению, лучшая из них большая картина «Мцхечоба» (праздник в Мцхети) неудачно повешена: откуда ни смотри на нее, мешают блики света, падающего из противоположных окон.

Недоумение и досаду вызывает то, как слабо и скупо представлен гениальный художник грузинского народа, великий самоучка Нико Пиросманишвили. На выставке всего три его случайно выбранных картины. Между тем, и городская, и сельская жизнь дореволюционной Грузии, биение великого народного сердца, великодушного, веселого, наивного, сказались с огромной силой в его многочисленных картинах. Хотелось увидеть творчество Пиросманишвили собранным с возможно большей полнотой.

Выставка в целом свидетельствует о высоком уровне развития искусства грузинского народа.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Конкурс на песню о Ленине

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ленинградский союз советских писателей и союз композиторов об'явили закрытый конкурс на массовую песню о Ленине.

Для лучших текстов установлены две премии (3000 р. и 1000 р.). Такие же премии установлены и для музыки.

Срок представления текста — 12 декабря.

Наглая самореклама

Молодой человек из чеховского рассказа «Радость» был очень скромен в своих вожделениях на тернистом пути к славе. С ним случилась неприятность: какая-то раззява чуть не в'ехала ему оглоблей в рот. Об этом случае напечатали в газете. От популярности у него захватило дух и закружилась голова. Ведь его теперь уж знал весь мир! Он был потрясен гласностью. Он бегал от родственника к родственнику, от знакомого к знакомому и еще с порога восторженно восклицал:

— Читали? Меня пропечатали!

Как все это мелко и ничтожно в сравнении с размахом некоторых наших молодых людей. Чеховский герой по своим аппетитам — моллюск. Существует, например, такое юное дарование — Игорь Чекин. О его одаренности мы не много можем сказать, но о его наглой развязности можем сказать предостаточно.

В Московском Гостраме была поставлена его пьеса «Ночь в сентябре». Игорь Чекин из кожи лезет вон, чтобы его заметили. Если о нем не пишет большая пресса, так, сделайте одолжение, он сам о себе напишет.

И своей трибуной избирает театральную программу.

Но Чекин знает, что, появись он в единственном числе на страницах даже театральной программы, это еще мелкотравчато, его могут еще не заметить. Для придания «солидности» своим высказываниям о том, как проходила работа над его пьесой, он окружает их ответственнейшими цитатами, отзывами и тут же печатает биографическую справку из жизни самого Чекина в период его работы над пьесой.

Развязность необычайная.

Появление подобной театральной программы к спектаклю, посвященному 20-й годовщине Октября — явление безобразное, политически недопустимое и вредное. Как мог театр не видеть того, куда его влекут ради саморекламы развязные молодые люди.

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Рис. К. Ротова.

— Ну, как у тебя?
— Да вот заминка вышла. Вчера в ЖАКТ'е № 67 раз'яснял значение выборов десяти старушкам—и они все поняли в полчаса. А здесь целый день бьюсь — и никак не хотят понять.

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА

Общеизвестно, что вещи, сделанные наспех, бывают сделаны скверно.

Поэтому нужно ли удивляться тому, что редакция журнала «Октябрь», лишь после указания «Правды» осознавшая необходимость откликнуться на выборы в Верховный Совет, сделала это в достаточной степени неуклюже.

Речь идет о передовой статье, судя по всему, спешно втиснутой в уже готовый одиннадцатый номер журнала.

В статье этой для того, очевидно, чтобы рельефнее оттенить преимущества наших выборов перед выборами в царской России, редакция сочла нужным сравнить их с выборами губернского предводителя дворянства, описанными Л. Н. Толстым в «Анне Карениной».

По мнению редакции «Октября», выборы в Верховный Совет не в пример демократичнее губернских выборов, великолепно осмеянных Л. Н. Толстым.

С этим нельзя не согласиться.

Но, говоря прямо, только весьма... ну, скажем, неумным людям могло притти в голову такое сравнение. И будь жив сейчас Лев Николаевич Толстой, он бы не позволил редакции «Октября» цитировать его сочинения столь бестолково и невпопад.

Мы же, со своей стороны, полагаем, что редакция «Октября» совершила непростительную политическую ошибку.

В президиуме ССП

Вчера на президиуме обсуждался вопрос о критике Б. Алперсе, который был в свое время рекомендован в союз врагами народа — Пикелем, Амаглобели и Оружейниковым.

На заседании были оглашены результаты расследования литературной деятельности Алперса.

В ряде своих литературных выступлений, в особенности в своих статьях о московском Театре Революции, Алперс проводил явно троцкистские установки, занимая враждебную позицию в отношении Театра Революции и возвеличивая как раз те моменты в деятельности театра, которые заслуживали сурового осуждения, как уклонение от правильной партийной линии.

На заседании оглашено было письменное заключение т. Н. Погодина, ознакомившегося с работами Алперса о Театре Революции.

Тов. Погодин квалифицирует высказывания Алперса, как проявление «политического негодяйства».

Обстоятельную характеристику деятельности Алперса дал т. Ужкальнис. Он подчеркивает то обстоятельство, что Алперс в течение длительного времени скрывал от советской и литературной общественности факты своего пребывания на территории белых, личной связи с зиновьевцами и троцкистами, факт исключения из партии.

В своем выступлении Алперс должен был признать правильность пред'явленных ему обвинений.

Президиум постановил исключить Алперса из рядов союза за протаскивание троцкистских установок в своей литературной работе и за сокрытие дискредитирующих его фактов.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОБРАНИЕ

Собрание московских критиков было назначено ровно в шесть. Но и в половине седьмого зал был пуст, а в коридоре уныло бродили одинокие фигуры.

В повестке дня стояли два интересных вопроса: отчет бюро секции и доклад редактора «Литературного обозрения». Однако отчитываться ничего не сделавшему бюро было не в чем, а вернувшийся только что из отпуска т. Розенталь к докладу не приготовился. Но раз извещения были уже разосланы, бюро решило собрание провести и обсудить на нем план работы секции.

Изменение повестки дня сразу дезориентировало собравшихся. Краткая информация о плане, сделанная от имени бюро т. Бродским, оказалась недостаточно продуманной. В изложенных наспех наметках т. Бродского, как немедленно указали выступившие в прениях, отсутствовали такие важные вопросы, как освещение литератур народов СССР, воспитание молодых критиков и т. д. Но если даже бюро не успело выработать дельного, конкретного плана, то члены секции, пришедшие обсуждать совсем другие вопросы, тем более ничего конкретного предложить не могли. Разговор о плане не состоялся. Решено было... поручить бюро разработать конкретный план. Вряд ли стоило для этого устраивать собрание.

«Советский рассказ, советская новелла»

Так будет называться намеченный к выпуску издательством «Советский писатель» об'емистый том рассказов и новелл, напечатанных в журнале «Огонек» за 1937 год.

Эти рассказы и новеллы будут собраны в отдельную книгу для того, чтобы показать рост советского рассказа и советской новеллы.

Содержание тома составят лучшие рассказы известных наших писателей и молодых авторов.

Рассказы и новеллы разнообразны по темам и их разработке. В нескольких десятках рассказов и новелл изображены сцены и эпизоды городской жизни, колхозной, заводской.

Немало рассказов посвящено лучшим людям нашей страны, ее героям и пламенным патриотам.

Новеллы на темы гражданской войны сменяются рассказами из современной жизни и реалистическими фантазиями будущего. В частности, серия рассказов посвящена эпизодам будущей войны.

В сборник, предназначенный для массового читателя, войдут также произведения советских прозаиков, посвященные историческим темам.

ФЕЛЬЕТОН

Двенадцать квитанций

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Начнем прямо с фактов. Не стар и не сед
В Литфонд Эс-Эс-Пе обратился поэт, —
Не беден, не бледен, не болен, не худ,
Прилично одет и прилично обут,
И вид не такой, будто сел он на мель, —
Ну, словом, «мужчина в соку», —
с'кон апель.

Напористый малый, изрядно речист,
И в жестах бывалый скользит билльярдист.
Пришел, покурил, секретаршу разнес
И срочно просил свой поставить вопрос.

И вот заседает Литфонда правленье
И срочно вникает в его заявленье.
(Поэт не явился, был занят поэт, —
Он просто прислал с заявленьем пакет).

— «Товарищи, я, как поэт, вам пишу,
Две тысячи дать, как поэт, я прошу!
Ввиду неполадок и жизненных тягот —
Квартирная плата не плачена за год.
Чтоб вы убедились в несчастьи моем, —
Двенадцать квитанций подшито при сем.
Двенадцать квитанций, двенадцать
кинжалов

Пронзают мой стих прозаическим жалом,
И солнце ушло... и свинцов горизонт...
Пускай за квартиру заплатит Литфонд!
И пусть заодно уж — прошу, как поэт —
Заплачено будет за воду и свет!
Счета за одежду и стирку белья
Литфонду доставлю при случае я, —
Сейчас, к сожаленью, их нет под рукой...
Прошу оградить мой талант и покой!»

Правленье Литфонда сначала молчало,
Потом замычало, потом зарычало, —
В большое волненье пришло,
так сказать,
И крикнули все, как один:—Отказать!
Я думаю, что резолюцией этой
Довольны прозаики все и поэты,
И скажет свое недовольное: — Нет!
Один лишь означенный выше поэт.

Я вам изложил только голые факты.
Тактично ли сделал я или бестактно —
Хочу я, отправясь от них, во весь рост
Поставить большой и серьезный вопрос
О людях, которым, быть может, некстати
Высокое званье — советский писатель,
О людях, которых — сказать не боюсь —
Быть может и зря пригревает союз,
О людях нахальных и малокультурных,
О гражданах окололитературных,
Умеющих только попить и поесть,
Марающих нашу советскую честь.

Представьте рабочего иль инженера,
Который, баклуши пробив целый год,
Придет в профсоюз и с развязной
манерой

Пред'явит к оплате свой тысячный счет.
Ведь это для фарса и то не годится!
Нелепая выдумка! Глупая чушь!
Так почему же живут проходимцы
Меж нами, между «инженерами душ»?

Любит народ наш и партия ценит
Скромных бойцов и героев пера,
Тех, кто народу душой не изменит,
Кто на винтовку перо свое сменит,
Если придет боевая пора.
Мастер большой, ученик, подмастерье —
Все свое место и дело найдут,
Где так почетны писателей перья?
Где так оценен писательский труд?

Но прихлебателей и лежебоков,
Склочников, литературных мокриц,
Трутней и ябед — нам надо жестоко
Сбросить с сияющих наших страниц, —
Чтобы бескрылые группки и группы
Крыльям большим не мешали расти,
Чтобы живые бездарные трупы
Нам не вредили на нашем пути!

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПАМЯТНИК ГОРЬКОМУ

22 ноября в зале Московского областного союза советских художников состоялась беседа скульпторов с писателями, посвященная обсуждению конкурса на проект памятника А. М. Горькому.

Вс. Иванов, П. Павленко и А. Н. Тихонов поделились воспоминаниями о великом пролетарском писателе А. М. Горьком.

Подробный отчет о встрече скульпторов с писателями будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

Перед юбилеем Шота Руставели

На вечере в Доме советского писателя

Древняя грузинская летопись рассказывает о полководце, который с горсточкой воинов сумел одолеть многочисленного противника. Кучка храбрецов победила потому, что полководец вдохновлял своих воинов чтением стихов великого грузинского поэта Шота Руставели.

В его бессмертной поэме «Витязь в тигровой шкуре» отражены лучшие свойства грузинского народа: беззаветная храбрость, героизм, благородство, преданность долгу, высокая честность, верность в любви и в дружбе.

«Книга эта — сокровищница грузинского сердца. На нашем родном языке не существует ничего выше»,— так отозвался о поэме Илья Чавчавадзе, основоположник новой грузинской литературы.

Поэма Руставели равна по своему значению «Одиссее» и «Илиаде» Гомера или «Божественной Комедии» Данте. Она заслуженно пользуется огромнейшей популярностью не только у грузинского народа, но и у всего культурного человечества.

В этом великом произведении сконденсированы лучшие образы национального народного творчества, оно полно несравненного поэтического очарования.

Шота Руставели обладал жизнерадостным мироощущением, творческим здоровьем, глубоким оптимизмом — свойствами лучших поэтов эпохи Возрождения.

Великий провозвестник гуманизма, он близок и дорог нам, и юбилей прославленного поэта будет торжественно отпразднован не только на его родине, в Грузии, и в Советском Союзе, но и во всем культурном мире.

Живая прелесть стихов Руставели ярко звучала в исполнении артиста-чтеца Вс. Аксенова. Очарование музыки великого грузинского народа и его чудесных песен было живо передано солистом Большого театра Д. Г. Бадридзе и пианистом-лауреатом Г. Эдельманом.

На вечер в Доме писателя, посвященный памяти великого грузинского поэта Шота Руставели, были приглашены работники московских библиотек. Они внимательно слушали и вступительное слово поэта-орденоносца Г. Лахути о предстоящем знаменательном юбилее Руставели, и краткий доклад о поэте В. В. Гольцева, и концерт.

Записки, поданные докладчику, свидетельствовали о пытливом внимании ко всему, что относится к жизни и творчеству гениального Шота.

Да и может ли быть иначе!

Ведь они — библиотекари — должны нести в массы советских читателей живое слово о великом художнике грузинского народа, должны со знанием вопроса популяризировать творчество замечательного поэта, чье вдохновенное слово осталось бессмертным в веках.

А. ОСИПОВА

* * *

★ 15 ноября на расширенном заседании Руставелиевской юбилейной комиссии ССП обсуждался план работы пленума правления ССП СССР в Тбилиси, посвященного памяти Руставели.

С докладами на этом пленуме выступят: В. Гаприндашвили, проф. Ив. Джавахишвили, Н. Тихонов, П. Павленко и др.

На пленуме выступит также ряд критиков и поэтов.

Для подготовки совместно с общественными и литературными организациями Грузии программы празднования юбилея Шота Руставели в Тбилиси выехал председатель Руставелиевской юбилейной комиссии ССП СССР тов. И. Луппол.

★ В Гослитиздате вышел «Вепхис-ткаосани» в переводе Георгия Цагарели. Предисловие написано А. С. Сванидзе. Издание хорошо оформлено многокрасочными иллюстрациями известной грузинской художницы Тамары Абакелия.

★ Государственное издательство Украины выпускает к юбилею полный перевод «Вепхис-ткаосани» на украинский язык, сделанный Миколой Бажаном.

★ Поэт Микола Хведорович перевел на белорусский язык отдельные места «Вепхис-ткаосани»: первую песнь «Вепхис-ткаосани», письмо Нестан-Дареджан из Коджетской крепости, завещание Автандила. Поэт продолжает работу над переводом других частей поэмы.

★ Поэт Эзра Фининберг перевел ряд отрывков из поэмы Руставели на еврейский язык и выпускает к юбилею небольшую брошюру о нем.

★ Поэт Владимир Державин перевел на русский язык «Завещание Автандила», «Совещание героев» и «Взятие Коджетской крепости». Переводы печатаются в журналах.

★ Поэты П. Антокольский, Д. Бродский, В. Державин и В. Соловьев перевели на русский язык стихи Валериана Гаприндашвили, Симона Чиковани, а также произведения грузинского фольклора, посвященные Руставели.

Испанский поэт Хосе Бергамин в Москве

Он вторично приезжает в Москву — высокий человек с лицом аскета, испанский писатель, сражающийся на антифашистском фронте.

Первый раз Хосе Бергамин был в Москве в 1928 году.

— Какая колоссальная, совершенно не поддающаяся определению разница, — говорит он. — Другой город, другие люди, другие настроения.

Хосе Бергамин попал к нам сейчас в самый разгар избирательной кампании.

— Я всего несколько дней в Москве, почти ничего не видел,—улыбается писатель,— но с самого первого момента почувствовал, что в вашей стране праздник. Ваш народ радуется и торжествует. Ваша избирательная кампания не имеет прецедентов, это нечто совершенно новое, невиданное, ни с чем не сравнимое.

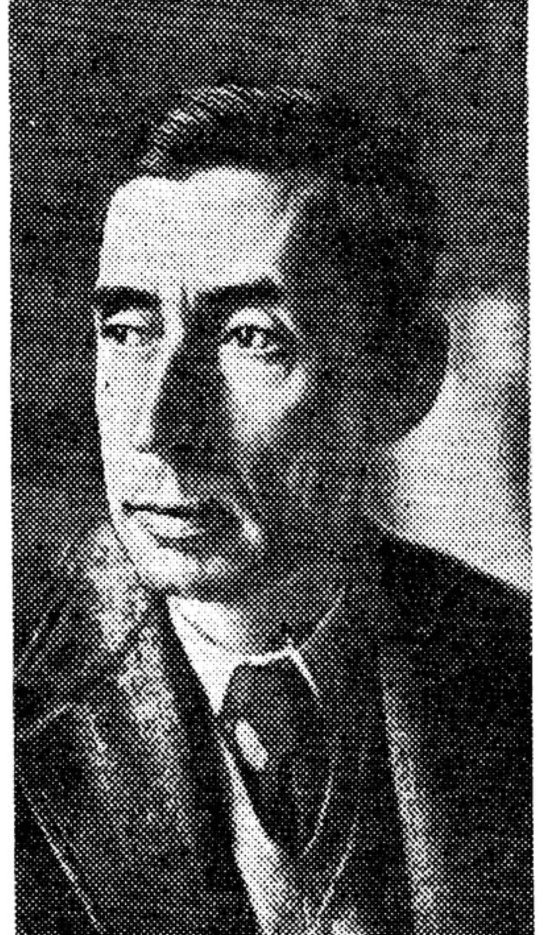
Собрания, митинги на площадях, наши лозунги, наша печать, посвящающая целые полосы кандидатам народа — все это бросается в глаза в первый же день приезда в СССР, — и невольно заставляет испанского писателя провести аналогию с предвыборными кампаниями в буржуазных странах.

— Там избирательная кампания выливается во взаимное обливание друг друга грязью, подкупы, сведение личных счетов, ненависть и злобу, а здесь, у вас, единодушие в отношении лучших, любимейших сынов родины, стремление дать им как можно больше голосов, бурная радость в тех округах, где они дали согласие баллотироваться.

— Для меня, испанца, сына борющейся за свою свободу страны, — заявляет Х. Бергамин, — выдвижение в кандидаты А. Толстого, М. Шолохова и других писателей имеет особое значение. Я всегда говорил, что настоящий писатель должен быть с народом и действовать заодно с ним. Писатель, оторванный от масс, — не писатель. И политические воззрения писателя не могут быть иными, чем воззрения народа, к которому он принадлежит. Иначе это — не писатель.

— Мы, писатели, у себя, в Испании, также сделали попытку завязать крепкую связь с народом, завоевать его доверие, — продолжает Х. Бергамин, являющийся в данный момент председателем союза антифашистской интеллигенции Испании. — В нашу антифашистскую альянсу вошли все писатели, артисты, художники, вся интеллигенция, жаждущая победы над фашизмом.

— Как нам удалось осуществить контакт с рабочими? С массами?

Хосе Бергамин.
Фото Р. Бенарио.

— Агитацией среди молодежи, агитацией в массах за дело народного фронта, собраниями, митингами, плакатами, листовками, спектаклями, насыщенными политическим содержанием. И, конечно, непосредственным, личным участием в борьбе. Мы дрались на фронте рядом с народной милицией, плечом к плечу с рабочими, и мы завоевали их доверие.

— А теперь я в Москве, — говорит Бергамин. — И прежде всего хочу для Испании такой же конституции, какую получили вы здесь, в СССР. Именно за такую конституцию должен драться мой народ.

— Затем я хотел бы поговорить с кем-нибудь из ваших избранников.

— И я хочу и буду говорить с вашими писателями. Они должны дать мне ответ на многие волнующие меня вопросы. Хотел бы я обменяться мнениями о современной литературе, о социалистическом реализме, о западном формализме и т. д. Все это волнует меня, и я надеюсь получить на все свои недоумения и вопросы исчерпывающие ответы.

Новая книга Л. Фейхтвангера

Государственное издательство «Художественная литература» выпустило новую книгу Л. Фейхтвангера **«Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей»**. Книга выпущена тиражом 200.000 экземпляров и снабжена следующим предисловием издательства:

«Изданная в Амстердаме на немецком языке книжка Лиона Фейхтвангера «Москва 1937», в которой автор, на основе личных впечатлений и наблюдений от поездки в СССР, дает оценку современного положения СССР, его политической, хозяйственной и культурной жизни, представляет несомненный интерес. Книжка содержит ряд ошибок и неправильных оценок. В этих ошибках легко может разобраться советский читатель. Тем не менее книжка представляет интерес и значение, как попытка честно и добросовестно изучить Советский Союз.

Фейхтвангер принадлежит к числу тех немногих некоммунистических писателей на Западе, которые не боятся правды, не сложили оружия перед фашизмом, а продолжают борьбу с ним. В то время, когда буржуазные разбойники пера в угоду капитализму и фашизму состязаются в фабрикации отравленной лжи и клеветы против СССР, Фейхтвангер старается доискаться об'ективной правды об СССР и понять его особенности».

Цена книги — 1 р. 50 коп.

(«Правда»).

В литературной организации Крыма

Беседа с писателем Н. Ляшко

Из Крыма вернулся писатель Н. Н. Ляшко, ездивший туда по поручению секретариата ССП для ознакомления с положением в местной литературной организации.

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» т. Ляшко заявил, что положение это до последнего времени было не из радостных.

— Воспользовавшись нашей слабой бдительностью, в Крымский ССП пробрались враги, орудовавшие там нагло и цинично. Враги действовали по испытанному методу троцкистско-бухаринской банды, ставившей себе задачу — затормозить рост советской литературы. Они отвлекали внимание писателей от творческих вопросов, всячески затирали даровитую молодежь, занимались организацией помпезных юбилеев, чествований, бесцеремонно растранжиривали государственные и общественные средства на свои личные нужды.

Враги стремились внести разложение в ряды молодежи, всячески мешали ей работать, отодвигали на задний план, жестко и последовательно соблюдая свой «табель о рангах». Старое руководство, насквозь шовинистическое, контрреволюционное, не скрывало своего пренебрежения к писателям других национальностей, в частности к русским писателям. Не было при ССП и русской секции, хотя руководство союза постоянно заверяло всех, что такая секция существует.

Тов. Ляшко справедливо отмечает, что немалая доля вины за положение в крымской организации падает на руководство ССП СССР. Его связь с крымскими писателями была главным образом бумажная, канцелярская. За три года существования ССП в Крым было отправлено 26 бумаг — и все циркуляры, анкеты, регистрационные листки и т. п. И лишь две бумаги были по более или менее конкретным, но совершенно мелким вопросам. Любопытно, что даже протоколы заседаний ССП Крыма в Москву совсем не посылались, таким путем враги сохраняли все свои «дела» в полном секрете.

— Но только до поры до времени, — говорит т. Ляшко, — теперь они разоблачены и вышвырнуты из рядов советской литературы. Это сказалось благотворно на положении дел в Крыму. Литературная молодежь свободно вздохнула, уверенно заработал авторский кабинет, реформируется литературный журнал, приведенный старым руководством в состояние полного упадка, налаживается тесная связь с читательскими кружками; к выборам в Верховный Совет организуются литстраницы в четырех газетах.

Нужно отметить, что литературная молодежь Крыма в большинстве своем — молодежь партийная и комсомольская, она хорошо дисциплинирована, подвижна, энергична.

Большую помощь в организации работы крымского ССП оказывает обком ВКП(б).

В общем атмосфера литературной организации Крыма очищена. Созданы условия для нормального творческого развития молодых писательских кадров республики. Надо предполагать, что в недалеком будущем состоится конференция писателей Крыма, где будет избрано новое, облеченное доверием всей литературной общественности, правление, которое в кратчайший срок ликвидирует последствия вредительства и поможет творческим кадрам солнечной республики наверстать потерянное.

День горьковской организации

Перед нами моментальный снимок одного из «рабочих дней» писательской организации гор. Горького — протокольная запись общего собрания горьковских писателей от 31 октября 1937 г.

Как ни скуден этот источник, но и он проливает некоторый свет на то, как «живут и работают» некоторые писатели гор. Горького.

День жизни этой крупной областной писательской организации, оказывается, ушел на попытки «вытрезвления» двух совершенно безнадежных в этом отношении, совершенно разложившихся морально «писателей» Штатнова и Жиженкова. Жиженков просто горький пьяница, стяжавший себе неувядаемую славу в Горьком своими пьяными дебошами. Штатнов же, изображающий из себя «стихийную натуру», не ведающую, что творит, — прожженный политический проходимец, бывший эсер, затем пролезший в партию и оттуда изгнанный за уголовщину, связанный до сих пор с враждебными элементами.

Горьковская организация не только посвящает целый день на обсуждение «проблемы» пребывания этих представителей пошлейшей богемы в рядах союза, но самым тщательным образом рассматривает их в анфас и профиль. И находятся такие, как т. Шестеринов, который серьезно уверял собравшихся, что неким вооруженным глазом он усмотрел у Штатнова «хороший здоровый поворот». И к вящщему удивлению — исключенным из союза писателей оказался только Жиженков, а Штатнов отделался условным исключением на один год.

Горьковская организация должна решительно бороться против представителей разложившейся богемы, хотя бы из уважения к здоровой части организации, проявившей себя, в частности, активной работой на выборах.

У.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ЦУСИМЫ»

Гослитиздат выпускает «Цусиму» А. С. Новикова-Прибоя в новом издании, для которого автор включил в роман три новых главы и внес в него ряд дополнений и исправлений.

Одна из новых глав посвящена Порт-Артуру, другая рассказывает о вестовом адмирала, третья — о гибели «Изумруда».

Тираж нового издания «Цусимы» — **30.000** экземпляров.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ИЗДАТЕЛЬ:
Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполномоч. Главлита В—29630.

Типография газ. «Индустрия» Москва, Цветной бульвар, 30.